

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

5

МАЙ 1983

КОСТЁР

5
МАЙ
1983

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1983 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Меня зовут Ивановым
главы из повести
А. Зверинцева	4
Стихи твоих ровесников	11
Барабан	12
Вызов
рассказ А. Мара	16
Стихи
В. Степанова	19
Пятилетка в красном галстуке	20
Уроки географии
очерк Б. Никольского	22
Праздник Знамя мира
фотоокно	24
Станция Жарма
рассказы Ю. Калинина	27
Театр особого назначения
очерк Н. Михайловой	32
Они пишут для вас	34
Морская газета	36
Как летали за Сережей
очерк С. И. Иванова	38
Спортклуб «Кузнечик»	40
Школа будущих командиров	42
Веселый звонок	44
Арчебек	47

На обложке
рисунок В. Топкова
«Школьный театр»

СТРОКИ В ЛЕТОПИСЬ

МЫ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

**О своем пионерском детстве,
о первых шагах Советской пионерии
рассказывает делегат
Первого Всесоюзного пионерского слета
контр-адмирал в отставке
Василий Дмитриевич ПИЛЬЩИКОВ**

На Брянщине, откуда я родом, первые пионерские отряды начали создаваться в 1923—1924 годах. Нам, заводским хлопчикам из поселка Чернятинского стекольного завода, которые тогда на два-три года не доросли до пионеров, было страшно интересно и завидно смотреть, как марширует по улицам единственный пионерский отряд.

А в 1926 году моих товарищей и меня в заводском клубе принимали в пионеры. Собралось много пионеров и комсомольцев, были и рабочие завода — коммунисты. И каждый из нас произносил слова Торжественного обещания. Они звучали как клятва верности делу рабочего класса и Коммунистической партии. А красные галстуки на том торжественном вечере вручил комиссар гражданской войны, старый коммунист Иван Дмитриевич Маслов.

Так началось мое пионерское детство. Первые костры, походы и экскурсии, поездки на соседние заводы, спортивные соревнования.

Особенно любили мы военные игры. Наш пионерский отряд имени Карла Либкнехта разбивался, обычно, на две группы — красных и синих. У красных обязательно был свой Чапаев и свой Фурманов, а у синих — Колчак или Деникин, а то и Махно с Петлюрой. Но синими никто не хотел быть, и потому принадлежность к той или иной стороне определялась в порядке очередности. В пионерской комнате был создан для военных игр целый арсенал оружия — изготовленные из дерева станковые пулеметы с трещотками, винтовки и сабли, пушки.

Однажды мы втайне от синих сделали из фанеры танк на деревянных колесах. Он передвигался с помощью ног «танкистов», находившихся внутри танка, и вызвал в лагере «противника» настоящую панику.

Побеждали, конечно, всегда красные во главе с Чапаевым. Чапаеву, которого тоже играли по очереди, приклеивали черные усы и набрасывали на плечи кавалерийскую шинель. Девчонки в этих играх не отставали от ребят. Большого труда стоило разрешать их споры о том, кому быть Анкой-пулеметчицей. Случалось и так, что в войсках красных бывало одновременно несколько Анок. И если «командование синих» узнавало об этом, то, как правило, не соглашалось признавать своего поражения «из-за нарушения правил ведения военных действий».

У нас был свой пионерский клуб — старый дом, в котором раньше проживала семья лесничего. В нем было несколько комнат. Мы сами их отремонтировали, оклеили обоями. В бывшей кухне разместилась сапожная мастерская, где пионеры учились чинить обувь. Работала и переплетная мастерская. Я и сейчас нередко пользуюсь приобретенными в те далекие годы навыками в уходе за книгами и учу этому своего внука.

Ежегодно в районном центре проходили пионерские слеты, на которых организовывались выставки лучших работ радиолюбителей, авиамоделистов, юных натуралистов, художников, фотографов... Это всегда был большой праздник не только детей, но и всего взрослого населения района. Лучшие экспонаты отбирались на окружные и областные слеты пионеров.

А в 1929 году 18—25 августа состоялся Первый Всесоюзный пионерский слет в Москве. На мою долю выпало счастье быть делегатом этого слета от пионерской организации Дятьковского района Брянского округа, Западной области (тогда Смоленск был центром этой области).

Для меня, двенадцатилетнего подростка, дальше Брянска не выезжавшего из своего поселка, было, конечно, огромной радостью поехать делегатом на Московский слет.

— Я не пущу тебя, Вася, в Москву. Там много машин, много людей. Пропадешь ты там. Откажись, сынок, от этого вашего слета, — сказала мне мать.

И тем не менее в ее словах звучала радость и гордость за своего «поскребыша» (так она часто называла меня), которому предстоит, благодаря Советской власти, другая жизнь — более счастливая и радостная, чем была у нее, моего отца и деда.

...Поезд мчал нас, нескольких мальчишек и девчонок, из Брянска в Смоленск, где собрались все 165 делегатов слета от Западной области. В первый же день нас переодели в фор-

му делегатов слета. Каждая область, край, республика имели свою форму. Нам выдали защитного цвета рубашки-юнгштурмовки, такого же цвета шорты, кожаные черные сандалеты. На левом рукаве рубашки красовался ромбовидный голубой знак с пионерской эмблемой и словами: «Делегат Первого Всесоюзного пионерского слета».

Надо сказать, что наша делегация в этой форме выглядела довольно внушительно и вызывала повышенный интерес у москвичей.

— Это что за делегация идет? — спрашивали они.

— Западной области, — отвечали мы.

Некоторым казалось, что Западная область — это что-то за пределами Советского Союза и потому проявлялись к нам особые чувства солидарности и уважения. И даже можно было слышать провозглашенные на немецком языке слова: «Рот Фронт!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Было радостно наблюдать, с какой любовью относятся москвичи к делегатам слета. Если мы идем строем — останавливается движение транспорта, пока строй не пройдет. Если едем автобусом — регулировщики обеспечивают ему зеленую улицу. Каждый москвич старался обласкать нас взглядом, улыбкой, добрым словом.

Слет открылся 18 августа на стадионе «Динамо» торжественным прохождением всех делегаций под громкие аплодисменты многочисленных зрителей. А после этого делегаты заняли места на трибунах. Нам очень повезло. Мы оказались рядом с Алексеем Максимовичем Горьким и Надеждой Константиновной Крупской, пришедшими на открытие слета. Они добрыми улыбками приветствовали нас, спросили рядом сидящих с ними пионеров, откуда они, из каких городов и сел. Я смотрел на этих замечательных людей и трудно было поверить, что рядом, всего в нескольких метрах, находится друг, жена,

боевой товарищ и первая помощница вождя мирового пролетариата — великого Ленина. Трудно было поверить, что здесь же рядом находится великий пролетарский писатель А. М. Горький. Удивило нас и то, что вели себя эти люди очень просто.

И еще одну радость довелось испытать нам в этот день. С трибуны, установленной в центре стадиона, вдруг объявили, что сейчас выступит поэт Владимир Маяковский. Без бинокля трудно было разглядеть лицо Маяковского, но мы отчетливо видели его рослую, внушительную фигуру и услышали прочитанное им стихотворение, посвященное пионерскому слету:

«За море синеволное,
За сто земель и вод —
Разлейся песня-молния
Про пионерский слет»

Запомнились и карикатурные изображения врагов советской власти — кулаки, спекулянты, попы, буржуи, иностранные капиталисты. Их фигуры вдруг выросли из-за западной трибуны стадиона под негодующие возгласы всех зрителей и сатирические куплеты, звучавшие из радиорепродукторов.

Одним из самых важных моментов слета было совещание-конференция представителей делегаций, состоявшееся в Кремле. На это совещание было делегировано около 400 человек, в том числе 4 представителя от нашей Западной области. Среди счастливчиков, попавших в Кремль, оказался и я.

Мы с затаенным дыханием слушали большую речь Надежды Константиновны Крупской. Запомнились слова Н. К. Крупской о ленинских заветах молодежи и о том, что красный галстук — это не парадная форма. Он пропитан кровью борцов Революции.

Заккрытие слета состоялось на том же стадионе «Динамо» 25 августа 1929 года. Это было незабываемое представление, подготовленное московскими пионерами. Поле стадиона вначале казалось совершенно пустым. Но потом вдруг на нем,

словно из-под земли, выросли фабрики, заводы с дымящимися трубами, новые стройки с ярко горящими огнями. И в каждом представлении, сцене, в каждом разыгранном эпизоде чувствовалось дыхание первой пятилетки, начало ее победного марша к социализму, в который мощным потоком включилась и гвардия юных ленинцев.

Много времени прошло с тех пор. По-разному сложились судьбы первых пионеров. Моя судьба связана с Вооруженными Силами нашей Родины. Но до сих пор я с радостью вспоминаю свое пионерское детство, свой пионерский галстук.

В связи со словами о красном галстуке мне хочется рассказать об одном случае, происшедшем уже после Великой Отечественной войны. Я в то время проходил военно-морскую службу в одном из гарнизонов Краснознаменного Тихоокеанского флота. Там нам удалось подробно узнать о героизме двух военных моряков — Николая Вилкова и Петра Ильичева, которые в боях за освобождение Курильских островов от японских захватчиков в 1945 году повторили подвиг Александра Матросова — своими телами закрыли амбразуры вражеских дотов, что позволило нашим частям занять господствующую высоту.

Этим морякам уже после войны было присвоено посмертно звание Героев Советского Союза. Мы разыскали матерей героев, пригласили их приехать к нам в часть и привезти с собой для Музея боевой славы наиболее интересные и ценные вещи их сыновей. Приехать к нам сумела только мать Петра Ильичева. И она привезла с собой как самую дорогую реликвию сына — его пионерский галстук.

Марк ВЕЙЦМАН

МЕДАЛЬ

Мой дедушка был балагур, весельчак,
без шутки, без песни — ни шагу.
Остался лишь дедушкин старый пиджак
с медалью на нем — за отвагу.

Медаль утверждает:
был дедушка смел,
и храбро с врагами
сражался,
А я вспоминаю,
как дедушка пел.
Глядел.
Говорил.
Улыбался.

СИРЕНЬ

Сирень округой завладела.
Гудит завод,
и дом растет,
и каждый занят важным делом.
Она же знай себе —
цветет!

Не напоказ,
не в честь чего-то,
ведь как-никак — рабочий день!
И у нее
своя работа:
она — цветет,
она — сирень.

ХУДОЖНИК

...А в будке дощатой
сапожник сидит.
Он то ли печален,
а то ли сердит.
Склоненные плечи,
а рук не видать.

«Художник, — сказали, —
сумел передать...»
А что передать, —
Не пойму, хоть умри.
Вручает мне приз
председатель жюри,
и зал разнаряженный
глухо гудит...

А в будке дощатой
сапожник сидит...

Дул ветер холодный,
и я рисовал
не ради призов
и не ради похвал.
На ветке качался
последний листок.
Упорно и часто
стучал молоток.

МЕНЯ ЗОВУТ ИВАНОВЫМ

А. ЗВЕРИНЦЕВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. Борисенко

— Мы незнакомы, — тихонько шепнул Емельянов Шотману. Ты — барин, я — мужик сиволапый. Пока я спектакль играю, успеете проскочить в поезд. Другого выхода нет.

Шотман кивнул, положил ногу на ногу и с независимым видом стал протирать стекла пенсне.

Подошли юнкера, мельком скользнули взглядом по Шотману и прицепились к Емельянову.

— Кто такой? Документы!

— Какие же ночью документы, начальник, — развязно сказал Емельянов. — Не видишь, от зятя еду. Еду, еду — следу нету, режу, режу — крови нету, — и он весело захохотал.

— Мы вот тебе покажем — от зятя! — взъелись юнкера. — А ну, вставай!

Емельянов засмеялся и, обращаясь к Шотману, сказал, кивая на юнкеров:

— Как думаешь, баринок, положить мне этих сосунков на рельсы или немного погодить?

— Оставьте меня в покое с вашими шутками, — отодвигаясь, сказал Шотман.

Юнкера вцепились в Емельянова. С трудом оторвали его от скамейки и повели. Тот, который был помоложе, громко свистел в свисток. Видно нравилась ему по молодости эта игрушка. На свисток бежала подмога.

Шотман подумал, что не сладко придется сейчас товарищу. Зато на платформе никого не осталось. Все ввалились вслед за арестованным в помещение вокзала.

Шотман прошелся по перрону, прислушиваясь, не слышно ли шагов в кустах. Как-то там Константин Петрович и Рахья? Поняли они маневр Емельянова?

Вдали за деревьями, окружавшими станцию, послышался слабый, постепенно нарастающий гул. Он то пропадал, то вновь возникал, все бо-

лее усиливаясь. Замелькал среди сосен луч паровозного прожектора. Обдавая паром и дымом платформу, мимо проследовал паровоз, таща за собой с пяток коротких вагонов.

«Пора бы им уже появиться, — подумал про Иванова и Рахью Шотман. — Стоянка короткая. Если опоздают, все пойдет вкривь и вкось». Пока он так размышлял, рядом появился совсем молоденький юнкер с винтовкой.

— Этого еще не хватало, — пробормотал Шотман и, обращаясь к юнкеру, попросил:

— Господин офицер, прошу вас, я кажется подвернул ногу... Помогите мне добраться до вагона.

Юнкер живо откликнулся на просьбу и помог Шотману подняться в вагон.

Поезд тронулся.

«Нет, они не сели, — сказал себе Шотман. — А это последний поезд. Надо ехать до места и срочно что-то предпринимать».

Согласно разработанному плану, Константин Петрович должен был из Разлива попасть в Левашово. Затем поездом доехать до Удельной. И оттуда пешком — на квартиру рабочего завода «Айваз» Эмиля Кальске. Здесь переночевать, а вечером машинист Гуго Ялава переправит Константина Петровича Иванова в Финляндию. Таков был план. Но план по вине Емельянова и его, Шотмана, — не достали карты двухверстки, не проверили как следует маршрут, заблудились — в лесу горел торф, — сломался в самом начале. Емельянов арестован. Константин Петрович и Рахья остались в лесу.

Александр Васильевич не мог припомнить, когда с ним случалось подобное. Срочно надо было поднимать верных людей и отправляться в Дибунны за Константином Петровичем.

Обдумывая происшедшие события, Шотман в задумчивости вместо Удельной сошел в Озерках. Отсюда до квартиры Кальске было около шести километров. Вот тебе еще один промах!

— Эх, был бы извозчик, — вздохнул Шотман, быстро шагая по пустынным Озеркам в сторону Ярославского проспекта, где жил Кальске. Хорошо хоть дорога была знакома, а то ведь и спросить не у кого.

К утру Александр Васильевич нашел наконец деревянный дом, в котором жил Кальске. На условный стук дверь открыла Лидия Петровна Парвиайнен.

— Все очень плохо, — сказал Шотман, ставя в угол свой зонтик и снимая шляпу. — Эйно и Константин Петрович остались в лесу. Емельянов арестован...

Шотман взглянул на Лидию Петровну. Она с мягкой улыбкой приложила палец ко рту и кивком головы пригласила следовать за ней.

Александр Васильевич умолк и, ступая на носках, последовал в комнату. Там едва теплился фитилек керосиновой лампы. Шотман пригляделся и тихо ахнул. Он не верил своим глазам. На полу, на расстеленных газетах, положив под голову книги, укрывшись одним пальто, спали Константин Петрович и Эйно Рахья.

Вечером наступающего дня машинист Гуго

Ялава на паровозе № 293 под видом кочегара провез Константина Петровича через границу в Финляндию. Решение Центрального Комитета партии об отправке вождя за границу было выполнено.

ЕМЕЛЬЯНОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

В помещении вокзала, куда юнкера привели Емельянова, было сильно накурено. По лавкам сидели вооруженные люди — совсем молодые ребята. У каждого винтовка между колен. Лица сонные, вялые. На полу шелуха от семечек, окурки.

— Покарауйте его здесь, а я пойду доложу, — сказал один из юнкеров, что привели Емельянова.

«Значит задача твоя, Николай Александрович, будет такая, — определил себе линию поведения Емельянов. — Как можно дольше тянуть время. Потом, когда уйдет поезд, действовать по обстановке».

— Давай, заводи арестованного, — высунулся из комнаты дежурного по станции юнкер.

Емельянов вошел в небольшую комнатку с обшарпанным столом возле окна. За столом сидел офицер. На столе стоял чайник, стакан с чаем. На блюде горка печений.

Лицо офицера показалось ему чем-то знакомым. Емельянов напряг память: где он видел этого типа с такими запоминающимися оттопыренными ушами... Где?

И вдруг вспомнил: это был один из «дачников», снявших домик недалеко от завода. Тех самых «дачников», что пытались завести знакомство с рабочими, шастали под видом охотников по окрестностям. Не выгорело, значит, в Сестрорецке? «Дачники» и тогда казались Емельянову

волками в овечьих шкурах, теперь же один из них был в своем настоящем обличье.

— Удивляюсь, ваше благородие, как вы меня по Сестрорецку не признали. Я-то вот сразу вас раскусил. Он, думаю, и есть, наш дорогой сестрорецкий дачник. И хорошо поохотились в Разливе? Только нынче разве охота! Чирок пугливый пошел, мельчает птица. Совсем как людишки.

— Вот ты оказывается какой разговорчивый! — офицер сидел, откинувшись на спинку стула, и почти равнодушно смотрел на Емельянова. — Прямо философ Платон. Но мы тебя сейчас по-другому заговорить заставим. Я даже не стану интересоваться, кто ты. Потому что мы тебя сейчас расстреляем.

Емельянов заметил, что юнкера как-то растерянно вздрогнули от такого решения офицера. Расстрелять рабочего было конечно можно. Но если завтра на Сестрорецком заводе об этом узнают, заварится такая каша, что того, кто ее заварил, свои же в порошок сотрут. Не те были уже времена. Поэтому ни офицер, ни юнкера не спешили привести в исполнение приговор.

В это время послышался гул приближающегося поезда, по окошку скользнул луч света. Простучали и остановились вагоны.

Офицер посмотрел в окно.

«Решают, что делать, — подумал Емельянов. — Им надо на перрон, следить за посадкой, а тут вот я».

Николай Александрович услышал, как прогудел и отправился поезд. С Константином Петровичем, видимо, все в порядке. Иначе бы за окном шум поднялся, привели бы сюда. На перроне — тихо.

— Не вижу я для вас резону стрелять в меня. Может еще завтра вместе Питер от германца защищать будем.

— Заткнись, — грубо бросил офицер. — Защитник нашелся. — Он явно не знал, как ему поступить с Емельяновым.

В это время к перрону подошел ночной поезд из Питера.

Офицер несколько секунд размышлял, потом приказал юнкерам:

— Арестованного за мной!

У одного из вагонов офицер остановился. Повернулся к юнкеру:

— Поедете с арестованным. В Белоострове сдадите в комендатуру.

В вагоне Емельянов, посмеиваясь, сказал юнкеру:

— Что, брат? Не было печали, так черти накачали. Спал бы сейчас сладко у мамы на диване, так нет — за большевиками на охоту вышел. Небось Ленина поймать хочешь?

Юнкер долго молчал. Потом сказал:

— Приказы начальства не обсуждаются.

— А ты не обсуждай, — подсказал Емельянов. — Ты думай!

Под стук колес охранник и арестованный стали подремывать. В Сестрорецке в поезд вошел наряд местной милиции. Старший наряда унтер-офицер Смирнов узнал Емельянова. Взглянул на юнкера.

— Куда везете арестованного?

— Приказано в Белоостров в комендатуру.

— Чей приказ?

— Поручика Гужбы.

Смирнов, указывая юнкеру на своих милиционеров, небрежно бросил:

— Сдадите арестованного. Доложите, что сдали сестрорецкой милиции.

— А расписка?

— Расписка — вот она, — Смирнов похлопал себя по кобуре.

Заводские милиционеры вывели Емельянова из вагона. Юнкер хотел было тоже выйти с ними, но не решился. Когда поезд тронулся, юнкер высунулся из дверей вагона и, погрозив кулаком, крикнул:

— Завтра мы вас всех вздернем!

Милиционеры постояли с Емельяновым на перроне, поговорили и разошлись.

Дома Емельянов сразу уснул. Проснулся от какого-то громкого разговора в сенях. Прислушался. Звучал женский голос:

— Юнкера взяли его в Дибунах...

Емельянов похолодел. Ильич арестован?

Николай Александрович выскочил в сени. Увидев его, говорившая женщина изумленно подняла брови.

— Ничего не понимаю, — Шотман сказал, что он арестован, надо предупредить жену, а он спит себе, как медведь и ни о чем не помышляет.

— А как Константин Петрович? — спросил Емельянов. — Что сказал Шотман?

— Шотман сказал, что все идет по плану, только арестован Емельянов.

— Ну слава богу, — сказал Николай Александрович. — А за Емельянова можно не волноваться. Он за себя постоит.

АГАФЬЯ АТАМАНОВА ЕДЕТ В ГЕЛЬСИНГФОРС

Машинист Гуго Ялава подарил Надежде Константиновне Крупской книжку на финском языке. Это была «Калевала» — поэма о народных героях, финских богатырях, сыновьях мифологического Калева.

— По этой книге вы сможете изучать финский язык, — сказал Ялава.

«Хорошенькое дело, — подумала Надежда Константиновна. — Сразу братья за такую сложную книгу? Чудак этот Ялава».

Вечером, перед тем как лечь спать, Надежда Константиновна взяла подаренную книгу и стала ее просматривать. По старой конспиративной привычке открыла сразу на седьмой странице. Привычка эта выработалась оттого, что Владимир Ильич, всегда стремившийся к четкой организации всякого дела, ввел особый значок, определявший страницу с зашифрованным текстом. Чаще всего такой ключевой страницей-указателем была седьмая страница.

Надежда Константиновна тщательно осмотрела седьмую страницу. И — о чудо! — увидела знакомый значок. Значок указывал: на странице 34 — зашифрованное письмо.

На первый взгляд страница с шифрованным письмом ничем не отличалась от других. Только, если очень присмотреться, — поверхность ее была более глянцевого цвета.

Такой шифрованный листок надо было прогладить утюгом. Однако утюга не было. Надежде Константиновне часто приходилось менять квартиры, и таскать за собой утюги, кастрюли не было никакой возможности.

Надежда Константиновна засучила рукава платья и стала нагревать листок над стеклом керосиновой лампы. Вот показались строчки, написанные знакомым дорогим почерком... обрисовался какой-то чертеж, перекрестки улиц... Похоже, это был план города. В правом нижнем углу листка линии едва проступали, и Надежда Константиновна несколько дольше задержала его над лампой. Листок вспыхнул. Чтобы погасить пламя, она захлопнула книгу.

В основном письмо и план сохранились. Обгорел лишь небольшой уголок и с ним была утрачена часть чертежа. С виду пустяк: сгорел перекресток. Но сумеет ли она без этого перекрестка найти нужный дом?

Весь вечер Надежда Константиновна просидела, разбирая чертеж, пока не убедилась, что найти улицу Тэленкату и дом 46 по остаткам чертежа сможет.

Владимир Ильич специально вычертил этот маршрут от вокзала до дома, чтобы ей не обращаться к посторонним, не привлекать излишнего внимания.

Сейчас весь гвоздь в том, как перейти границу.

На следующий день Надежда Константиновна отправилась к Емельяновым в Разлив.

— Нужна ваша помощь, — сказала Крупская.

— Понимаю, — догадался Емельянов. — Пропуск через границу.

Надежда Константиновна кивнула.

— Пропуск будет, — сказал Николай Александрович. — Но вот требуется ваша фотография. Сделаем так: вы поживете у нас несколько дней. А я приглашу Дмитрия Ильича Лещенко, он все сделает.

Надежду Константиновну устроили в комнате старшего сына Емельяновых — Кондратия. Когда стало смеркаться, пришел Николай Александрович.

— А что на заводе? — спросила Крупская. Знала — Владимир Ильич обязательно спросит о настроении рабочих. Об их отношении к призыву партийного съезда: готовиться к вооруженному восстанию.

— На завод зачастили офицеры контрразведки. Требуют, чтобы рабочие сдали оружие.

— Ну и как, сдают?

— Сдают, — усмехнулся Емельянов. — Старое, поломанное. И тут же запасаются новым. Ведь мы же как-никак оружейники.

На утро выдался чудесный день, над озером стоял легкий туман, и едва солнце поднялось, как туман исчез, засияло чистое голубое небо. Стало слегка припекать. Надежда Константиновна разыскала Колю и попросила отвезти ее к шалашу.

В хозяйкином платке, в простом сарафане с грибной корзиной в руках она походила на местную жительницу, работницу сестрорецкого завода. Коля тоже прихватил корзинку для грибов. Бросил в лодку удочки.

Поездка к шалашу растревожила Надежду Константиновну. Не ожидая никого встретить, она вдруг наткнулась на каких-то людей с военной выправкой: не то охотники, не то еще кто похуже. Они, по-видимому, облюбовали шалаш для каких-то своих целей.

Крупская и Коля прошли мимо, не задерживаясь.

Возвратилась она с каким-то неясным беспокойством в душе. В корзинке лежали несколько сыроежек.

Наконец настал день, и Емельянов вручил ей пропуск на имя жительницы Финляндии Атамановой. Можно было ехать к Ильичу.

Утром в сопровождении Емельянова Надежда Константиновна отправилась в путь. Маленький юркий состав — всего три вагона и паровоз — по узкоколейке доставил их к пограничной заставе.

Высокий, затянутый ремнями офицер взял удостоверение. Лицо его было серьезно. Надежде Константиновне даже показалось, что офицеру что-то не понравилось в ее документе. Мизинцем он не то смахнул, не то просто потрогал что-то на фотографии. Спросил:

— Живете в Райволе?

— В Райволе, в Райволе, — закивала Надежда

Константиновна, беспокоясь как бы офицер не подверг ее более тщательному допросу. Хозяйка документа Агафья Александровна Атаманова была на двадцать лет старше Крупской, да к тому же умерла еще весной этого года.

Стоявший рядом с Крупской Емельянов весь внутренне напрягся, быстро перебирая в уме варианты возможных действий в случае, если офицер задержит «Атаманову».

Но ничего не случилось. Офицер вернул документ.

— Следующий, — сказал он.

Пропуск Емельянова не вызвал никаких подозрений.

Николай Александрович проводил Крупскую до станции Оллила, откуда было прямое сообщение до Гельсингфорса, купил ей билет, помог втиснуться в набитый до отказа вагон.

— Передайте Константину Петровичу, — шепнул он в последнюю минуту, — мы ждем его с нетерпением. Скажите, что сестрорецкие рабочие сделают все, чтобы Красной гвардии было с чем идти в бой.

— Обязательно передам, — так же шепотом ответила Крупская, пожимая Емельянову на прощание руку. — И спасибо вам большое за все.

В Гельсингфорсе Надежда Константиновна вышла на вокзальную площадь и осмотрелась.

Столица Финляндии поражала своей чистотой, геометрической правильностью улиц, аккуратно навешенными номерами домов.

«В таком городе невозможно заблудиться», — сказала себе Надежда Константиновна и пустилась на поиски улицы Тэленкату. Бывали поло-

жения куда хуже. Крупская вспомнила, как разыскивала герра Модрачека в Праге, господина Ритмейера в Мюнхене, как переполошились настоящие Модрачек и Ритмейер и помогли ей отыскать герра Мейера, «который ждет жену из Сибири» и который оказался в конце концов Владимиром Ильичем.

По Александровской улице — одной из главных улиц Гельсингфорса — Надежда Константиновна дошла до указанного на плане двухэтажного студенческого дома, при входе в который застыли статуи героев «Калевалы» — Вяйнямейнена и кузнеца Ильмаринена. Теперь — через небольшой бульвар, направо, еще направо...

У дома № 46 Надежда Константиновна остановилась. Поправила платок и, ужасно волнуясь, стала подниматься по лестнице.

Владимир Ильич как обычно в эти часы сидел над рукописью книги о государстве. Финские товарищи надежно укрыли его от русской контрразведки, обеспечили нужными книгами, газетами — и он азартно по 16 часов в сутки работал, разрабатывая программу строительства будущего государства рабочих и крестьян. Он ни минуты не сомневался, что в самое ближайшее время эти самые рабочие и крестьяне возьмут прочно и навсегда власть в свои крепкие трудовые руки.

Уйдя с головой в работу, Владимир Ильич не расслышал условного стука и продолжал быстро писать, покрывая своим скорым почерком листок за листком... И вдруг словно сквозь сон до него донесся приглушенный стук в дверь. Он подумал, что ведь слышит этот звук давно... и стук очень ему знакомый... Да ведь это же Надин стук!

Владимир Ильич вскочил, резко отодвинул стул,

бросился в маленькую прихожую. Распахнул дверь.

Перед ним, повязанная до бровей платком и как-то неузнаваемо изменившаяся, стояла, улыбаясь своей милой доброй улыбкой, Надюша.

ПРОМЕДЛЕНИЕ СМЕРТИ ПОДОБНО

Утром 24 октября на конспиративную квартиру, где скрывался, возвратившись из Финляндии Владимир Ильич, прибежал взволнованный Эйно Рахья.

— Юнкера пытаются развести мосты! — не раздеваясь, крикнул он из прихожей.

— Этого следовало ожидать, — сказал Ленин, откладывая работу, и появляясь в дверях. — Итак, товарищ Рахья, все должно решиться сегодня.

Увидев, что Эйно снимает пальто, Владимир Ильич остановил его.

— Нет, нет, не раздевайтесь... Срочно свяжитесь с ЦК. Сейчас я напишу записку... Вы понимаете, что происходит? Они разведут мосты и поодиночке разобьют каждый район. Мы не можем этого допустить!

Он скрылся в комнате, присел к столу и быстро набросал записку. В ней обрисовал положение, просил разрешения прибыть в Смольный.

— Вот, — сказал Ленин, вручая Рахье записку. — Надо, чтобы она попала Сталину, Свердлову или Дзержинскому. Помните, что промедление смерти подобно. Сейчас у нас есть все, чтобы победить. Но день, два и обстановка может круто измениться.

Рахья спрятал записку, надел кепку и вышел.

Оставшись один, Владимир Ильич нервно зашагал по комнате.

Вот уже больше двух недель, как он возвратился в Питер. Обстановка на фронте, настроение в войсках, на кораблях Балтфлота, в рабочих районах Петрограда — все говорило о том, что Временному правительству не удержать власть. Либо немцы, либо какой-нибудь казачий генерал свернет шею Керенскому и затопит кровью Россию. В этой обстановке у партии был один путь — победоносное вооруженное восстание. В нем Ленин видел спасение революции, спасение России.

Владимир Ильич знал, что в Питере его караулят за каждым углом. Газеты изо дня в день печатали правительственные телеграммы и приказы министра юстиции, предписывающие должностным чинам ускорить розыски Ленина, его арест. Доходило до фанатизма: пятьдесят офицеров-ударников торжественно поклялись найти Ленина или умереть. Но даже в такой обстановке он считал, что обходиться статьями и записками в ЦК не имеет права.

10 октября в парике, в сопровождении надежного Эйно Рахьи Владимир Ильич покидает конспиративную квартиру, чтобы провести заседание Центрального Комитета партии. Это было первое заседание ЦК, которое после трехмесячного подполья опять проводил Ленин.

Собрались вечером в доме № 32 по набережной

реки Карповки. Сталин, Свердлов, Дзержинский горячо жали ему руку, обнимали, засыпали вопросами. Обсудили сложившееся положение. Керенский и его министры, чтобы задушить революцию, решили сдать Питер немцам. Этого нельзя допустить. Надо брать власть без промедления.

— Я голосую за восстание, — поднял руку Ленин.

Против выступили Каменев и Зиновьев.

— Русский рабочий еще не дорос, чтобы брать власть в свои руки. Восстание будет губельно для революции, — в один голос заявили они.

Центральный Комитет партии большинством голосов принял ленинское предложение о восстании.

16 октября, несмотря на предупреждение Рахьи о том, что возле дома появились какие-то подозрительные люди, Владимир Ильич вновь покидает конспиративную квартиру для участия в расширенном заседании Центрального Комитета. И вновь его предложение получает поддержку. Девятнадцать членов ЦК голосуют за восстание. Двое — Каменев и Зиновьев — опять против.

Подготовка к восстанию шла полным ходом. И вдруг как снег на голову. Предательский удар из-за угла. Каменев и Зиновьев в меньшевистской газете «Новая жизнь» раскрыли все планы партии — оповестили врагов революции о готовящемся восстании.

Потрясенный предательством, Ленин в тот же день написал «Письмо к членам партии большевиков». В этом письме Владимир Ильич писал: «Я бы считал позором для себя, если бы из-за

прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии».

Но предательство уже не может остановить восстание. Ленин твердо верил в победу революции. Он заканчивает письмо призывом: «Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!»

Однако и Временное правительство не дремлет. Получив от предателей весть о готовящемся восстании, оно вызывает с фронта казачьи части, направляет отряды юнкеров разводить мосты...

И вот теперь, когда дорога каждая минута, когда промедление грозит гибелью, он, Ленин, должен чего-то ждать, опасаясь, что его могут схватить и узнать юнкера... И это в то время, когда восстание уже почти началось...

Владимир Ильич надел пальто, приладил поверх парика кепку. Подошел к зеркалу. Вгляделся.

Коренастый, крепкий рабочий с небрежно торчащими из-под кепки волосами пронизательно и чуть хитровато смотрел на него. Владимир Ильич протянул изображению руку:

— Будем знакомы. Иванов Константин Петрович.

Довольный осмотром, Владимир Ильич прошелся по комнате. Нет. В таком виде его никто не опознает.

Вернулся Рахья. Владимир Ильич бросился к нему.

— Ну что?

— Красногвардейцы кое-где уже прогнали юнкеров и сводят мосты.

— Так, — сказал Владимир Ильич, — замечательно! Как видите, я готов. Идем в Смольный.

Рахья виновато развел руками.

— Вам не разрешают. Считают: покидать квартиру небезопасно. Как только положение в городе прояснится, пришлют охрану и доставят вас в Смольный.

— Безумие! — возмутился Владимир Ильич. — Ни минуты больше не задержусь здесь.

— Владимир Ильич, я не могу нарушить приказ ЦК партии.

— Так-таки и не можете, — с некоторой иронией в голосе сказал Ленин. — И правильно, что не можете. И я, к сожалению, не могу. Хорошие бы мы были с вами руководители, если бы сами нарушали партийную дисциплину.

У Рахьи отлегло от сердца. Впервые за сегодня Владимир Ильич слегка улыбнулся.

— Вы думаете, что я сдался? Плохо же вы меня знаете, товарищ Эйно. Поскольку я, как и вы, не сторонник нарушения партийной дисциплины, я напишу еще одну записку в ЦК. Потребую отменить свое решение и разрешить мне перебраться под вашей охраной в Смольный.

Во второй половине дня вернулась хозяйка квартиры Маргарита Васильевна Фофанова. Рассказала, что видела своими глазами: Николаевский мост разведен. Красногвардейцам пока не удалось отбить его у юнкеров.

Владимир Ильич опять стал нервничать, пони-

мая, что обстановка в городе меняется с каждым часом, что медлительность восставших губит революцию.

Владимир Ильич сел за стол, придвинул листок бумаги и стал быстро писать.

«Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив... юнкеров...

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!»

Маргарита Васильевна ушла с письмом в Центральный Комитет партии.

Владимир Ильич опять остался один в квартире. Один — без всякой связи с происходящими в Питере событиями. С событиями, к которым он в течение десятилетий тяжелой, изнурительной, но окрыляющей работой готовил партию большевиков. Готовил, опираясь на великое учение Маркса, никогда не щадя себя, неистово борясь с отступниками, капитулянтами, разрабатывая стратегию и тактику партии, как великий первопроходец прокладывая путь среди мрака, невежества, нищеты, насилия к счастливому будущему человечества...

Эйно Рахья опять вернулся с категорическим отказом.

Владимир Ильич возмутился.

Рассудительный, добрый Эйно Рахья впервые видел Ленина в таком состоянии. И тогда Владимир Ильич сказал: «Немедленно отправляемся в Смольный».

Эпилог

Еще металось между Зимним и Главным штабом угасающее эхо выстрела «Авроры», как мощное «ура» прокатилось по цепям атакующих. Тысячи ног застучали по брусчатке Дворцовой. Революционные войска начали штурм последней твердыни старого мира.

Спустя несколько часов, когда все было кончено, на «Аврору» прикатил самокатчик из Смольного. Измученный, весь залепленный мокрым снегом, он едва стоял на ногах, передавая Бельшеву пакет.

— Ну как там, а? — спросил Бельшев.

— Порядок, братки, — самокатчик достал платок и стал вытирать не то слезы, не то дождевые капли, покрывавшие его лицо. — Как говорится, полная полундра.

Столпившиеся вокруг матросы засмеялись.

Бельшев разорвал конверт, посмотрел присланные бумаги и сопроводительное письмо и направился в радиорубку. Радист разложил перед собой бумаги, посмотрел на комиссара и включил передатчик. Минуту выждал.

— Сейчас нагреются радиолампы, — пояснил он на вопросительный взгляд Бельшева и начал передачу.

И в эфир полетели написанные Лениным слова о Мире, о Земле для тех, кто ее обрабатывает, о первом на планете рабоче-крестьянском правительстве.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Авторы этих стихов —
ребята из Липецка,
члены литературного клуба «Альтаир»
Дома пионеров Советского района

ВЕСНА

Зима прошла, весна настала.
Текут ручьи и снега мало.
А по весенней мостовой
Бежит мальчишка озорной.
А за мальчишкою вдогонку
Спешит ручей, смешной и звонкий.

Андрей Артемьев

МАЙ

Прекрасная пора
Пришла на землю к нам —
Смеется детвора —
Соцветие панам.

Бегут ребята в сад,
А там поет скворец,
Поет на разный лад
Восторженный певец.

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Люблю я маму добрую,
Люблю я звезды в небесах,
Люблю я ночку темную,
Деревья и зверей в лесах,
Всего не перечислю я,
Ведь это все мои друзья.

Натasha Кузнецова

Рисунок К. Почтенной

ПРАЗДНИК

Да здравствует праздник
Людей всех на свете,
Что празднуют взрослые,
Празднуют дети,
Исполнилось все,
Как Ильич говорил.
Он к счастью и миру
Дорогу открыл.

Рома Бирюков

НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Настала ночка темная,
Луна взошла огромная —
Она глядит с высоких крыш,
Ее ни с чем и не сравнишь.

Лена Курохтина

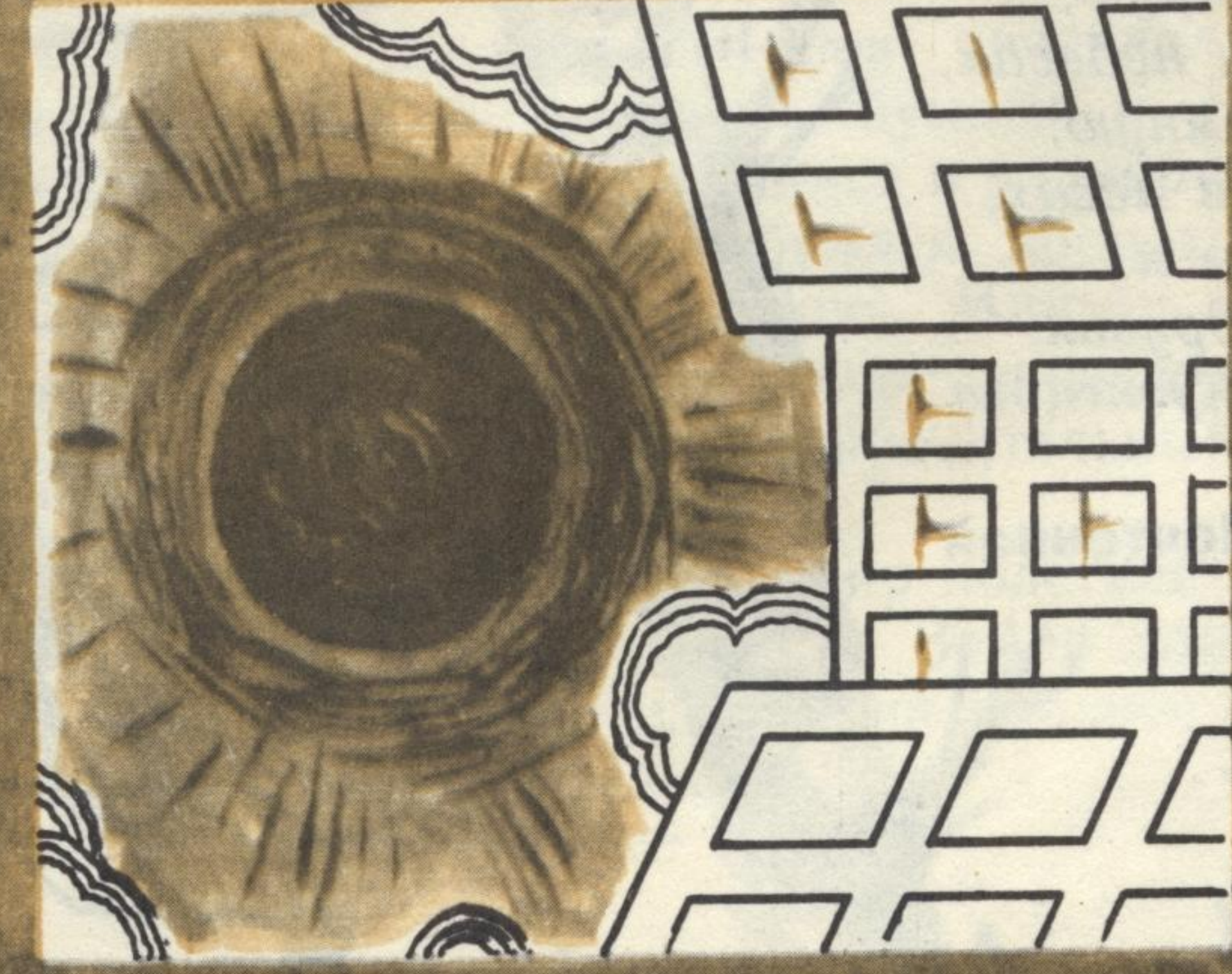

БАБАНЫ

Мы дружкой ленинской смылы!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Приближается время пионерских костров, трудовых дел, сантов на поля подшефных колхозов и совхозов, увлекательных походов по родному краю и других интересных дел, которые дарит лето.

Но не все городские ребята уезжают в пионерские лагеря, в деревню или на дачу. Некоторые еще остаются на какое-то время в городе. Причины бывают самые разные.

И возникает вопрос: как быть, если из ребят твоего пионерского отряда в городе осталось несколько человек! Должен отряд действовать или нет! Этому вопросу «Барабан» посвящает очередную сбор.

Репортаж из 6-а класса школы № 36 Калуги ведут юнкоры городского пресс-центра Ярослав Столярский и Лена Володина. Дежурный барабанщик — Света Горюнова.

Дежурный барабанщик. — По поручению пресс-центра я должна узнать: сколько пионеров вашего отряда остается на июнь в городе? (Вопрос был неожиданным. Ребята зашумели. Потом стали

Таня Аверкова. — Кажется, я понимаю, о чем речь. Пусть в городе наших останется немало, но это же члены нашего отряда, а отряд должен действовать.

Денис Пузаненко. — Пра-

вот уже год, как мы шефствуем над этим детским садом. Хотя нам никто не давал такого поручения.

Саша Кузнецов. — Я тоже за тимуровскую команду. Почему летом каждый живет сам по

Отряд — всегда отряд!

ские сборы, что-то отрепетировать, оформить. В учебном году иногда просто не хватает времени и многое делаем второпях. А чтобы побыстрее вышло, поручения даем самым активным и толковым. Что же остается делать остальным ребятам? Ровным счетом ничего. Они потому и со сборов стараются улизнуть, потому что не они эти сборы готовят.

Света Горюнова

Денис Пузаненко

выяснять, сколько человек остается.)

Таня Аверкова, председатель совета отряда. — Подсчитали: шесть человек. А в чем дело?

Дежурный барабанщик. — По нашим подсчетам — семь. Один ваш одноклассник почему-то промолчал. Не знаю, почему промолчал. А дело вот в чем. Младшая сестра этого пионера лежит в больнице. И он каждый день к ней ездит, гуляет с ней в саду, читает книжки. Ведь родители могут приехать только вечером, после работы, когда двери больницы уже закрываются...

Саша Кузнецов. — А при чем тут мы? И почему надо выяснять: кто уезжает в лагерь, а кто — нет?

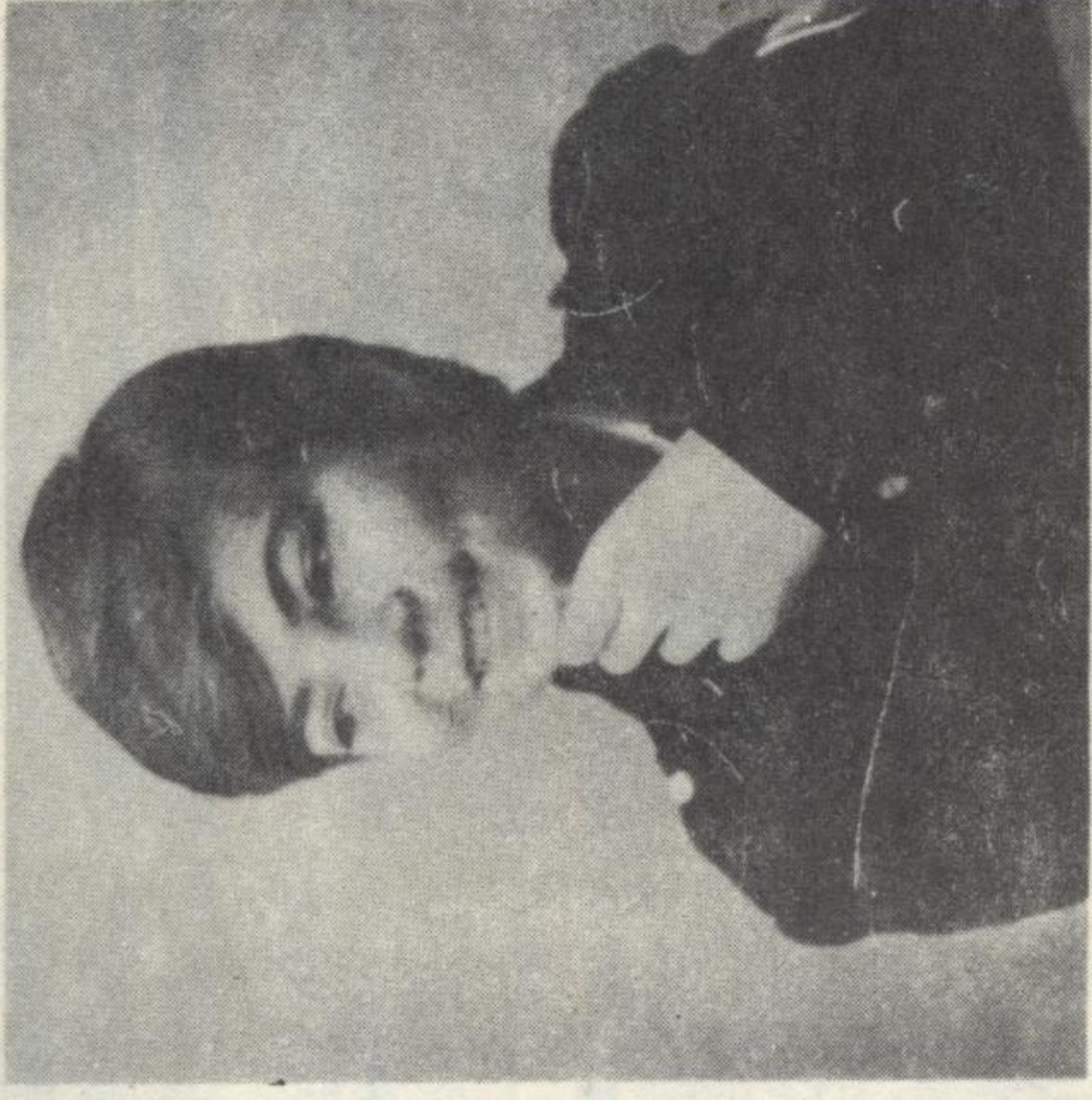
Дежурный барабанщик. — Но я еще не все сказала. В палате, где лежит эта девочка, она самая маленькая, старшие ее обижают.

Таня Аверкова

вильно. А что, если организовать в этой больнице тимуровскую команду?

Дежурный барабанщик. — По-моему, Денис прав. Однажды зашла я как-то в детский сад за братишкой. А там один из малышей просит: «Расскажите сказку». Я, конечно, сказала. А на следующий день просьба повторилась. Короче,

Андрей Комиссаров

себе? Почему ничего вокруг себя не замечаем? Даже дело, которое само идет в руки.

Андрей Комиссаров. — Действительно, почему? Может, потому, что дружба у нас формальная, а не настоящая.

Ваня Буч. — А я вот о чем подумал. На каникулах можно многое сделать «впрок» — продумать будущие пионер-

Дежурный барабанщик. — Вот и добейтесь, чтобы любое дело делать вместе с товарищами по отряду. Тогда и дружба будет не формальная...

Сергея Груздев. — Ребята, это обо мне шла сейчас речь. Наверное, я виноват, что никому ничего не говорил. Думал, никого это не касается, болеет моя сестра или нет. Да и на каникулах вместе мы никогда не собирались. А теперь вижу: зря так думал. Отряд — всегда отряд, сколько бы в нем человек ни оставалось.

Итак, мы узнали мнение одного из отрядов и ребят пресс-центра «Звездный».

А как ты считаешь, товарищ? Расскажи, как живет во время летних каникул твой пионерский отряд?

Кончается ли во время каникул ПИОНЕРСКОЕ СЛОВО?

Какой наказ от пионерского отряда получит на лето каждый пионер? В чем он должен вырасти, чего достичь?

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Девиз Пятилетки: «Каждому пионерскому отряду — ударное дело, каждому пионеру — трудовое задание!»

Автомобилестроители города Брежнев выпустили из пионерского металла 60 автомобилей КамАЗ.

По 60 тракторов передали труженикам села пионеры Кавельской АССР, Кокчетавской и Ростовской областей.

Строители Чимкентской области получили от пионеров 60 экскаваторов.

Новые трамваи с надписью «Пионерский» пошли по улицам Златоуста, Казани, Магнитогорска и Челябинска.

Полевая почта следопытов

Здравствуй, «Барабан»!
Во 2-м номере «Костра» за этот год мы прочитали очерк «Адрес известен» о красных следопытах из Феодосии. Наш отряд тоже ведет следопытский поиск. Напечатайте, пожалуйста, имена тех павших героев, чьих родственников еще не удалось разыскать. Может быть, мы сумеем помочь.

*Володя Климов,
председатель совета отряда
им. Гули Королевой,
Орел*

Вот имена тех воинов, чьих родственников ищут ребята:

1. Минометчик 291 стрелкового полка 63 горно-стрелковой дивизии рядовой Аведов Саркис Богосович, 1899 г. рождения, уроженец села Безуглинск Адлерского р-на Краснодарского края. В армию призван Адлерским РВК. Погиб 6.03.1942 г. Жена — Аведова Татьяна.

2. Командир взвода горно-стрелкового полка 63 горно-стрелковой дивизии ст. лейтенант Беляев Василий Лаврентьевич, 1913 г. рождения, уроженец села Кирово Орловской области, призван Кировским РВК. Погиб 27.02.1942 г.

3. Командир отделения связи 477 гаубартполка 63 горно-стрелковой дивизии рядовой Ванин Алексей Васильевич, 1919 г. рождения, уроженец Тбилиси, призван Тбилисским ГВК, погиб в феврале 1942 г.

4. Минометчик 251 горно-стрелкового полка 63 горно-стрелковой дивизии Дорошенко Иван Демидович, 1906 г. рождения, уроженец г. Моздока, призван Морозовским РВК Ростовской области, погиб 4.03.1942 г.

5. Зам. ком. батареи 477 гаубартполка 63 горно-стрелковой дивизии лейтенант Мылов Петр Николаевич, 1916 г. рождения, уроженец Шизаловского р-на Чувашской АССР, погиб 15.03.1942 г.

6. Комроты 63 горно-стрелкового полка 63 горно-стрелковой дивизии мл. лейтенант Шабанов Михаил Николаевич, 1916 г. рождения, уроженец Харьковской области, погиб 31.12.1941 г.

7. Орудийный номер 154 гвард. артполка 76 гвард. стрелковой дивизии рядовой Шинкаренко Кузьма Федорович, 1906 г. рождения, уроженец Геленджика Краснодарского края, погиб 13.07.1942 г.

СТРОКИ В ЛЕТОПИСЬ

Каждый год пионеры Красной Пресни торжественно отмечают день рождения первого пионерского отряда. В этом году праздник прошел в 20-й спецшколе. На торжества пришли и те, кто 62 года тому назад были пионерами Москвы. С любовью вспоминали они своего первого вожатого комсомольца Михаила Стрякова...

На день рождения собрались делегаты от 29 пионерских дружин Краснопресненского района. Среди почетных гостей — первый пионерский звеньевой и знаменосец Б. Кудинов, один из первых пионеров А. Пучков. Выступая перед школьниками, они вспоминали далекие 20-е годы, свои пионерские дела, среди которых была борьба с неграмотностью и беспризорностью...

Мы рассказали ветеранам о том, как ведется сбор материалов для создания летописи пионерского движения Красной Пресни.

А в конце вечера звучали пионерские песни разных лет.

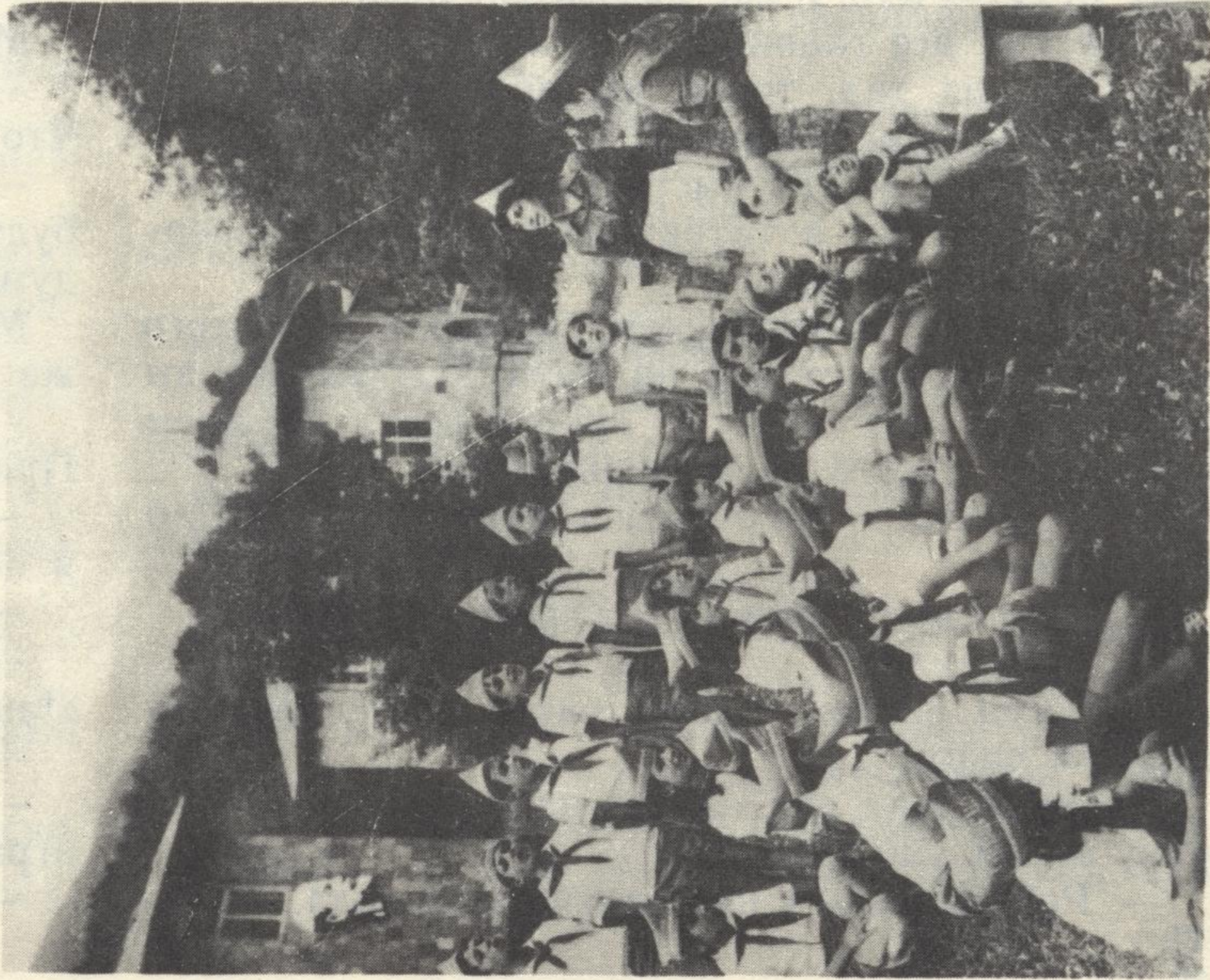
*Совет дружины 20-й школы,
Москва*

Фотоконкурс В ОБЪЕКТИВЕ — ВСЯ СТРАНА

Летом я поеду в пионерский лагерь «Лусабац» («Восход»), который находится в горах. В прошлом году я тоже отдыхал в «Лусабаце» и сделал там эту фотографию. Надеюсь встретиться со своими старыми друзьями и нашей веселой пионервожатой Анаит Григорян (она тоже есть на снимке).

Ашот Саркисян,
6 класс,
Ереван

РАСТЕТ МОЙ ГОРОД

Город наш небольшой, но красивый. Есть у нас Музей истории космонавтики. Недалеко от него — Калужское море. А на правом берегу, за рекой, началось строительство нового завода и девятиэтажных домов. Вот я и нарисовал, как их строят.

Коля Тарасов,
4 класс,
Калуга

Домашняя работа

Пишу «домашнюю работу» —
уроки делаю неотомы,
И их делать не спешу,
А после фильма напишу,
Но после фильма надо спать,
Везде дэвтра в саль тасов,
А утром внове не повезло —
Будущий старик, как казю,
Без десяти звоним он восьмь,
В портрете уредники я бросил,
Схватил скорее бумербог,
И на бесу отправил в рот...
Наверно, всеи работам жю,
Чем кончилась вот эта басня.

Саша Ключкин,
член литературного клуба «Альтаир»
Дома пионеров Советского района
Липецка

Учитель: ты делаешь уроки сра-

— Сережа, ты делаешь уроки сра-

зу после школы?

Ученик: пока бабушка уйдет,
переплывать!

— Нет, жду, пока бабушка уйдет,
переплывать!

— Нет, жду, пока бабушка уйдет,
переплывать!

а то она заставила Алину Ходиян,
Грузинская ССР

Учитель: Ахалкалаки, Грузинская ССР

Ученик: Расскази о животном мире пус-

— Расскази о животном мире пус-

тынь. Ученик: змеи, черепахи и

— Там водятся змеи, черепахи и

дикообразные тушканчики. Поляков,
Ижевск

ВЫЗОВ

Аркадий МАР

РАССКАЗ

Рисунки М. Агалакова

Мы чинили Сашкин велосипед, когда увидели во дворе чужих ребят. Их было двое. Впереди шел длинный, в пестрой ковбойке и кедах на босу ногу. Другой, плотно сбитый и коренастый, размахивая яркой спортивной сумкой, семенил чуть сзади.

— Да это же ребята с десятого квартала, — удивленно произнес Сашка. — Что им нужно?

Пришедшие направились прямо к нам.

— Здорово, — сказал длинный и пожал Сашкину руку. — Кто у вас самый главный?

— У нас все главные, — отозвался Артем.

— Ну раз так, тогда мы ко всем вам дело имеем. Костыль, говори.

Коренастый важно выступил вперед, достал из сумки свернутый в трубку лист бумаги, развернул и громко прочитал:

— Вызов!.. Футбольная команда десятого квартала вызывает вас на матч. Потому что вы хвастались, что играете лучше всех, обещаем сухой счет 10:0 в нашу пользу. Все!

— Во даете! — возмутились мы разом. — А 25:0 не хотите?

— Принимаете вызов? — спросил длинный.

— Принимаем!

— Тогда завтра в пять часов на пустыре за детским садом.

Длинный еще раз на прощанье пожал Сашке руку и они ушли.

— Ребята, ведь у них сильная команда, — ска-

зал Сашка. — Я видел, как они играют. А самый лучший форвард — длинный. Он на игру с черной повязкой на ноге выходит.

— А зачем? — удивился Толик.

— У него такой удар, что если мячом в кого попадет, без врачей не обойдешься. А повязка для предупреждения.

Мы переглянулись.

— А по какой системе они играют? — опять спросил Толик.

— По системе сборной Аргентины.

Мы вздохнули.

— Вот влипли, ребята, — сказал Толик. — Что же делать? Может, не будем играть?

— Да, нас потом засмеют, трусами обзывать будут, — заявил Артем. — Нет, что-то нужно придумать.

Мы начали думать. Так сильно думать, что даже голова заболела. И вдруг Толика осенило.

— Ребята! — радостно закричал он. — Ура! Придумал! Нужно Дачкина пригласить!

— Молодец! — похвалил его Сашка. — И как я сам не догадался?

— А кто этот Дачкин? — спросил Артем.

— Ну, даешь! — удивился Сашка. — Ты что, Дачкина не знаешь? Дачкина-профессионала?

— Как профессионала?

— Такое у него прозвище. Он только за марки играет.

— За какие марки?

— Да ты что, маленький? Тебе все объяснять нужно? Приходишь к Дачкину, просишь: «Дачкин, сегодня матч, будешь за нас играть?». А он отвечает: «Гоните два блока Бурунди или там серию, фауна и флора Сингапура, тогда буду». — А иначе не будет. Его многие приглашают. У него даже расписание составлено, за кого играть, на целую неделю вперед.

— А где марки достать?

— Здесь опять думать надо. Давай, Толик, думай. Сегодня это у тебя лучше всех выходит.

— Я уже придумал. У Марины попросим, ей марки из Индии отец присылает.

— А она даст?

— Честь же класса на карту поставлена! И мы пошли к Марине.

Дверь нам открыла Маринина бабушка.

— Марина музыкой занимается, — сообщила она нам. — Ей еще полтора часа на пианино играть.

Она хотела закрыть дверь, но Сашка выступил вперед и произнес трагическим шепотом:

— Серафима Степановна. На карту поставлена честь.

— Что поставлено? — испугалась Маринина бабушка. — Какая честь?

— Наша, Марины, и ваша тоже.

Серафима Степановна почему-то выпустила из рук ручку двери и тоже сказала шепотом:

— Случилось что? Говори сразу.

— Понимаете, — начал Сашка. — Нам прислали вызов. И если его не принять, то подумают, что мы трусили. А чтобы выиграть, нам нужны Маринины марки. Вот!

— Только и всего! — обрадованно произнесла Серафима Степановна. — Я бог знает, что подумала. А какой вызов?

— В футбол играть. За честь класса.

— А Маринины марки тогда зачем?

— За них мы такого игрока пригласим, что сразу выиграем.

— А сами что же, без него не можете?

— Ну, Серафима Степановна. Честь же пострадать может.

Маринина бабушка вздохнула и сказала:

— Раз надо, так надо. Сейчас я Марину позову...

Музыка в соседней комнате прекратилась и к нам вышла Марина.

— Бабушка мне все рассказала, — заявила она. — Конечно, я марки не пожалею.

— Марина, — сказал Толик. — Быстрее нужно к Дачкину идти, а то его еще кто-нибудь переманит.

— Я только переоденусь и марки с собой возьму. Вы пока по лестнице спускайтесь, я догоню.

Мы стали спускаться по лестнице.

Марина догнала нас у ворот. В руках она держала завернутый в газету кляссер.

— У тебя Бурунди есть? — спросил Артем. — И флора Сингапура?

— Нет, у меня только индийские, — ответила Марина. — Мне отец присылает.

— А что он в Индии делает? — опять спросил Артем.

— Папа мосты строит. Недавно, в штате Керала, знаете, какой мост пустили? Об этом даже газеты писали.

Она развернула газету и раскрыла кляссер. Мы взглянули и сразу обомлели. Таких марок мы не видели никогда в жизни.

Марки были всех цветов, большие и крошечные, треугольные и ромбы. А что на них было изображено! Многорукие боги, красивые дворцы, слоны, обезьяны, тигры, птицы с роскошным оперением...

Мы помолчали, а потом Сашка сказал:

— Если за эти марки Дачкин десять голов не забьет, перестаньте меня уважать.

Но все равно, марки было очень жалко отдавать...

В доме Дачкина лифт не работал, и мы пешком потопали на седьмой этаж. Из-за двери доносились звонкие удары мяча.

— Это Дачкин тренируется, — с уважением произнес Сашка. — Он, когда вырастет, за киевское «Динамо» будет играть. Говорят, его сам Олег Блохин персонально пригласил.

Мы робко постучали.

Дачкин был одет в спортивные трусы и белую футболку навыпуск. Он посмотрел куда-то поверх наших голов и спросил:

— Чего пришли?

— По делу, — ответил Сашка. — Завтра сыграешь за нас?

— Завтра? — повторил Дачкин. — Нет, завтра не могу. Завтра я за другую команду играю. Мы с надеждой посмотрели на Марину.

— Ну, Дачкин, ну, миленький, — выступила она вперед, — нам очень нужно... Хочешь, я с тобой в кино пойду?

— Нет, — подумав, ответил Дачкин. — Мне тренироваться надо. Удар «сухой лист» отрабатывать.

— Ничего не поделаешь, — зашептала Марина. — Придется марки отдавать... А мы тебе марки принесли! — добавила она громко.

— Какие? Если плохие, сразу назад несите, я и смотреть не буду.

Но мы уже раскрыли кляссер.

Дачкин подался вперед, глаза его заблестели, он вынимал марки из гнезд, засовывал обратно, вытаскивал вновь.

— Откуда у вас такие? — наконец спросил он.

— Это Марине отец из Индии прислал.

Не выпуская кляссера из рук, Дачкин почесал затылок, подумал и сказал:

— Согласен. Где игра будет?

Мы сразу обрадовались.

— На пустыре за детсадом, в пять часов, — сообщил Толик.

Дачкин почему-то опять задумался и наконец ответил:

— Ладно, я приду прямо туда...

На следующий день весь наш класс жил только предстоящим матчем. Толик, Артем и даже Марина чертили в тетрадях сложные схемы, с подключением вперед крайних защитников. Севка с третьей парты предложил использовать систему «Дубль-В», но она была сразу отвергнута, как

устаревшая. Севка обиделся и больше советов не давал.

На биологии мы утрясли наконец вопрос с составом. Сначала играть хотели все, даже девчонки, но узнав про черную повязку, многие решили перейти в болельщики.

На перемене к нам подошел Валера Ниязов из 7 «а».

— Ребята, — сказал он. — Наш класс тоже за вас пойдет болеть. Только что это вы сами себе хуже делаете?

Мы сразу насторожились.

— Перед игрой отдыхать нужно. «Спартак», например, в Тарасовке отдыхает. Другие команды тоже. А вы что? За сегодняшние уроки у вас накопилась, наверное, страшная моральная усталость.

Мы посмотрели друг на друга.

— Действительно, — неуверенно произнес Артем. — Какие-то мы бледные.

— Вот-вот. Я же говорю, — подтвердил Валера. — Вам сейчас отвлекаться нужно. Сходите в кино, наберитесь новых впечатлений. Потом сразу игра пойдет.

Мы сорвались с последнего урока и пошли в кино...

Моральная усталость отпустила нас без десяти пять, когда мы пришли на пустырь за детсадом.

Болельщиков собралось очень много. Они стояли вокруг пустыря, громко переговариваясь, и

размахивали руками. Наши девчонки разом загалдели, а кто-то даже затрубил в горн, взятый в пионерской комнате.

Мы сложили портфели в кучу и начали переодеваться. К нам подбежала Марина.

— А Дачкина еще нет, — волнуясь, произнесла она. — Что же делать?

— Подождем немного, — сказал Толик. — Он обещал прийти.

— Ну, ребята, пора начинать! — к нам подошел судья Сергей Храмцов, из пятого дома.

— Мы не можем, — сказал Толик. — У нас самого сильного игрока еще нет.

В команде десятого квартала зашумели:

— Если не можете, так и скажите. Нужно их сразу дисквалифицировать!

— Делать нечего, — сказал Сашка. — Пошли, ребята!

И мы вышли на поле.

Вдруг послышался шум и, расталкивая зрителей, к нам подбежал Дачкин.

— Еле успел, — радостно сообщил он нам. — Весь день сегодня над тактикой думал. Вот что, самое главное, отдавайте мне сразу мяч, а остальное дело техники.

— Все поняли, — строго сказал Сашка. — Как кто завладеет мячом, сразу отдавать Дачкину!

— Понятно, — согласились мы.

И тут судья дал свисток...

Первые минуты сложились для нас неудачно. Длинный, с черной повязкой на ноге, повел мяч к нашим воротам. Он обвел Артема, потом Севку и ворвался в штрафную.

— Толик, выходи навстречу! — крикнул Сашка.

— Сам выходи! Я в больницу не хочу попадать.

Длинный, не встречая сопротивления, пробежал еще немного и спокойно закатил мяч в пустые ворота.

— Ура! Гол! Давай еще! — закричали чужие болельщики.

Наши девчонки притихли, а горн сразу замолк.

Мы начали с центра поля.

— Мяч! Мне мяч! — крикнул Дачкин и рванулся по левому краю.

Артем верхом сделал ему передачу. Дачкин головой мягко сбросил мяч на ногу и технично обыграл защитника.

Наши болельщики немного ожили.

Дачкин обвел еще одного.

— Дачкин, давай! — заволновались девчонки. — Миленький, давай!

Дачкин на бегу помахал им рукой и затанцевал с мячом. Такие финты мы никогда еще не видели! Его тело изгибалось под самыми непостижимыми углами и чуть не ломалось пополам. Мяч, будто привязанный невидимой ниткой, подлетал вверх, ударялся о бедро, колено, голову, и не опускался на землю.

И наши, и чужие болельщики затопали ногами и засвистели от восторга.

Дачкин остановился, взял мяч в руки и поклонился зрителям.

— Игра рукой! Штраф! — заорали хором соперники.

Хотя мы всей командой выстроили стенку, длинный сильным ударом забил нам еще один гол.

Наши болельщики снова притихли. И в этот момент раздался свисток.

— Перерыв! — объявил судья.

Мы стояли в окружении мальчишек и девчонок и утирали руками пот.

— Тактически неправильно играете, — заявил Валера Ниязов из 7 «а». — Длинного персонально опекать нужно!

Мы молчали.

— Его буду опекать я! — вдруг решительно сказал Сашка.

— Молоток, — поддержал Дачкин. — Ты его жестче, жестче держи, а главное, мне мяч отдавайте.

— Сашенька, — заволновалась Марина. — Может, не нужно тебе его опекать? У него же удар сильный.

Со всех сторон нам надавали столько советов, что в конце концов мы запутались...

Во втором тайме мы сразу пошли вперед. Артем прошел по краю и подал мяч в центр, Дачкину. Тот в одиночестве стоял перед воротами. Мы уже победно вскинули руки и приготовились заорать: «Гол!». Но Дачкин почему-то остановился, подождал, пока подбежит защитник, красиво обвел его, потом другого, а третий выбил мяч на угловой...

Весь второй тайм мячом владел один Дачкин. Он обводил двух, трех игроков подряд. Но почему-то ничего не получалось. Пока он обыгрывал одного, второй опять догонял его и вступал в борьбу.

От злости мы даже позеленели.

— Дачкин, пас! — орали мы хором. — Дай пас!

Но он и не думал расставаться с мячом и все продолжалось снова и снова...

В самом конце игры Дачкин обыграл сразу четверых и помчался к воротам. Он вышел один на один с вратарем и тут случилось неожиданное. Из всех сил Дачкин послал мяч далеко в сторону.

— Нечестно! — вдруг закричал Сашка. — Это ты все нарочно делаешь!

Дачкин повернулся к нам.

— Не нравится, я и уйти могу, — сказал он.

— Ну и уходи! — закричали мы. — Уходи, профессионал проклятый!..

Домой мы возвращались молча. Настроение было, что и не расскажешь. Страшная моральная усталость, наверное, опять одолела нас. Мы уже хотели разойтись, когда вдруг увидели, что нас ждут ребята из команды десятого квартала.

К нам подошел длинный и сказал:

— Давайте по-честному. Дачкин с нас тоже марки взял.

Сначала мы ошарашены, а потом рассмеялись.

— Так переиграем? — предложил длинный.

— Завтра в пять, на том же месте, — ответил Сашка.

Владимир СТЕПАНОВ

СНЕГИРИ

Не зря прилетают
Зимой снегири.
Горят на снегу они,
Как фонари.
На улицу выйдешь —
И будто теплей
Становится от снегирей.

Не зря прилетают
Зимой снегири:
Согреть декабри,
Феврالي, январь.

Сегодня —
Снега выше валенка.
А завтра посмотришь —
Проталинка.

НАВСТРЕЧУ ЭХУ

Загудит пароход
И дымком,
Как платком,
Над причалом взмахнет
И растает,
И никто не узнает,
Что ушел пароход.

Только голову
Лось повернет.
И навстречу тревожному эху
Шагнет.
Но на краешке самом причала
Он поймет, что в лесу
Не лосиха кричала,
А ушел пароход.
И не скоро придет.
И дымком,
Как платком,
Над причалом взмахнет.

Сашка стоял, высоко вскинув голову. Он не смотрел на ребят. Своим видом, подчеркнуто независимым, он как бы хотел сказать, что происходящее здесь его не касается.

— Ты почему не держишь пионерское слово?

— Что? — наивно округлив глаза, спросил Сашка.

— Слушай, не прикидывайся, надоело. Ты ведь был на сборе, когда мы приняли решение работать на ферме?

— Ну, был.

— А почему не работаешь? Ручки боишься запачкать? — запальчиво сказала Лариса Шлома.

— А ты чего раскомандовалась? — огрызнулся Сашка. — Ничего я не боюсь. Просто надоели ваши разбирательства. — И решительно направился к двери.

Когда дверь за Сашкой захлопнулась, кто-то из семиклассников вздохнул:

— Ну вот и поговорили.

Однажды, как обычно, после школы шел Сашка в магазин. Он это делал каждый день, выполняя мамины поручения. Магазин находился за мостом, неподалеку от рощи. Он шел и думал о том, что отношения с ребятами из звена у него совсем испортились. «Сами виноваты. Нечего командовать». Сашка считал себя лич-

ностью независимой. Его размышления были прерваны какими-то странными звуками. «Что это?» — подумал он и остановился. Звуки доносились со стороны рощи. «Да это телята мычат», — вдруг сообразил он и прислушался. Мычание, переходившее в плач, доносилось со стороны Горборской фермы. Сашка решительно сменил маршрут.

...Когда он распахнул дверь телятника, телята вскочили и замерли. Они всегда вставали, когда входили ребята, но Сашку, который здесь появился впервые, это приветствие очень тронуло. Они на минуту замолкли, а потом, вытянув

мордочки в его сторону, принялись снова голосить.

— Голодные, — тихо произнес кто-то.

Сашка обернулся. За спиной стояла Лариса.

— Корма не завезли, — чуть не плача, сказала девочка.

— А кто виноват?

— Откуда я знаю?

— А где тут взрослые коровы?

— Взрослые? — не поняла Лариса. — Какие взрослые?

— Это же телятник, — рассердился Сашка, — а где находятся взрослые коровы? Может, у них есть корм?

Корм у коров был...

— Бери ведро, — приказал он Ларисе, — будем носить пойло.

Накормленные телята успокоились и все норовили лизнуть Сашке руки.

...Разговор с зоотехником начинался круто:

— Кто тебе разрешил самовольно распоряжаться кормами?

— Никто не разрешил, — тихо сказал Сашка, — телят было жалко.

— А коров? — строго спросил зоотехник. — Коров не жалко?

— Коровы взрослые. Согласитесь, ведь сначала кормят детей.

Взгляд зоотехника вдруг сделался лукавым:

ИЗ ЖИЗНИ ОДНОГО ЗВЕНА

— Хитер ты, парень.

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Да так же, наверное.

После этого случая Сашка сделался своим человеком на ферме.

...Как-то на большой перемене разнесся слух, что сбежали телята. И все звено бросилось на ферму. Но оказалось, телята никуда не сбежали, а резвились тут же, в березовой роще, носились, прыгали, скакали.

— Не понимаю, как они вырвались на улицу, — недоуменно сказал Сашка.

— Наверное, кто-то неплотно закрыл дверь, — ответил Сережа Киреев и тут же добавил: — Весну почувствовали, вот и резвятся.

Стоял март... Вдоволь насканкавшись, телята заметно устали. Они уже не носились, а прохаживались. Теперь к ним можно было приблизиться. Любовно поглаживая телятам холку, ребята увлекали их за собой, в сторону телятника...

На следующий день, как обычно, всем звеном отправились на ферму. День выдался вьюжный — чуть-чуть подмораживало. Чтобы согреться, гонялись друг за другом, толкали в снег.

— Вчера-то пахло весной, а сегодня совсем зима, — сказала Лариса.

— Мартовские вьюги, — философски изрек Сашка.

Подойдя к телятнику, увидели сено, явно сваленное в полах.

— Должно быть, водитель торопился, — сказал Сережа Киреев. — Если не убрать сейчас — занесет до утра снегом или вообще ветром развее.

Работали молча. Большинство — руками. Ведь пока за вилами домой сбегаешь — совсем стемнеет. Через несколько минут рукавицы у всех заиндевели. А вьюга, не на шутку разыгравшись под вечер, слепила глаза, пощипывала щеки.

— Девочки, — сказал Сережа Киреев, — вы бы шли домой. Мы с Сашкой и без вас управимся.

Но ему никто не ответил. Может, не захотели ответить, а может, действительно, не слышали из-за ветра.

Под снежными охапками сена ребят было почти не видно. Издали могло показаться, что какие-то таинственные снежные бугры «сами» перемещались под навес...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

165 телят вырастили в этом году ребята Староружской средней школы Московской области. И когда я решила узнать, много это или мало, взрослые в один голос говорили:

— Молодцы!

— Вымпел совхоза «Тучковский» «Золотые руки» не так-то легко заслужить. А они — заслужили.

Мне хотелось поздравить звено Ларисы Шломы с наградой. И я пришла к ним.

Ребята сидели притихшие и какие-то потухшие. «В чем дело?» — растерялась я.

— Расставаться с телятами жалко, — сказал Сережа Киреев.

Я знала: свой молодняк каждое пионерское звено выращивает до года.

— Ну, народится новый молодняк, будете ухаживать за ним.

— Но это будут уже другие телята.

Да, другие. Но тут уже ничего не поделаешь...

Т. СКОБЛИКОВА

УРОКИ ГЕОГРАФИИ

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рисунки Д. Титова

В детстве я очень любил разглядывать географические карты. Было в них нечто манящее, притягательное, поражающее мое мальчишеское воображение. Казалось удивительным, почти непостижимым то, что эти гляцевитые, разноцветные листы обычной бумаги сумели вобрать в себя весь мир с его континентами и морями, с его реками и возвышенностями, лесами и пустынями, с гигантскими городами и маленькими островками, затерявшимися в океане. Какой огромной, какой замечательной представлялась наша земля, когда одну за другой я перелистывал карты географического атласа!

Я всматривался в извилистые ниточки железных дорог, в морские пути, ведущие к портовым городам с неизменно звучными названиями, и ветер далеких путешествий и открытий, казалось, начинал шелестеть над листами атласа.

Но среди всего этого разнообразия и разноцветья географических карт была одна, в которую я вглядывался с особой гордостью и особым волнением — Союз Советских Социалистических Республик СССР.

В отличие от других карт эта карта была живой. Да, она умела оживать. Она оживала, когда в нашу квартиру почта приносила письма со штемпелями далеких городов, когда в радиодинамике звучал голос диктора, рассказывающего о стройках пятилеток, когда в наш дом приходили люди, побывавшие на этих стройках... Турксиб и Магнитогорск, ДнепрогЭС и Ферганский канал — эти слова до сих пор звучат для меня словно пароль моего детства. Я отыскивал эти названия на карте, и географические обозначения вдруг переставали быть только географическими обозначениями. Карта разговаривала со мной голосами людей, приехавших оттуда, где воздвигались плотины, под-

нимались заводы, строились новые города... Это и были мои самые первые уроки географии.

Да, главные уроки географии я, как и многие мои сверстники, получал не за школьной партой.

Никогда не забуду карту Европы, висевшую на стене в нашей комнате в 1944 году. От севера к югу извилистой цепочкой тянулись по ней булавки с маленькими флажками. Так мы отмечали на карте линию фронта. Помню, с каким радостным ликованием, с каким торжеством мы передвигали эти флажки сначала все ближе к границам нашей страны, потом — все ближе к столице фашистской империи — к Берлину. Как прекрасно, как возвышенно звучали тогда названия городов, освобождаемых нашей армией! Что там учебники географии! — никогда ни один урок, ни одно домашнее задание мы не твердили, не повторяли так, как эти названия! Мне кажется, до сих пор я помню эти названия наизусть.

Недавно, разбирая свои старые бумаги, я отыскал эту старую, уже обветшавшую, потрепанную на сгибах, насквозь исколотую булавками карту. Я держал ее в руках, как самую дорогую реликвию, и снова испытывал то же самое волне-

ние, которое испытывал тогда, в дни войны... Тогда, в 1944 году, передвигая по карте маленькие флажки, мы верили, что эта война, принеся столько горя, столько смертей и разрушений, будет последней в истории человечества, что мир навсегда воцарится на нашей земле...

Теперь мы знаем, что путь к миру оказался не таким простым и легким, как нам представлялось тогда. Сколько раз за прошедшие годы мы с тревогой вглядывались в карту мира, в те страны и города, где вспыхивал жестокий огонь войны! Корея и Вьетнам, Ливан и Сальвадор — этот огонь начинал полыхать повсюду, куда протягивались алчные руки империализма, алчные руки тех, для кого все географические карты мира — это лишь карты театра военных действий...

Вспоминаю, как несколько лет назад, в ясный осенний день я бродил по знаменитому Арлингтонскому кладбищу в Вашингтоне. Я шел к могиле Джона Кеннеди, американского президента, убитого заговорщиками, но забрел на боковую тихую, усыпанную желтыми листьями дорожку. По обеим ее сторонам возвышались одинаковые белые столбики — надгробия. Я наклонился к одному из них и прочел: «...убит во Вьетнаме...». Наклонился к другому и опять: «...убит во Вьетнаме». Взглянул на третий и снова: «...убит во Вьетнаме». И еще. И еще...

Здесь лежали американские солдаты, погибшие во время войны во Вьетнаме. Во имя чего отдали свою жизнь эти молодые парни? Что, кроме по-

зора и бесславной смерти, обрели они, ступив на чужую землю?..

Глядя на одинаковые надгробия, я невольно мысленно видел перед собой совсем другое кладбище — морское кладбище во Владивостоке. Оно, это кладбище, лежит высоко над городом, на сопке, овеваемой всеми ветрами. Там похоронен знаменитый путешественник и писатель Арсеньев, там висится огромный каменный крест — памятник «нижним чинам» крейсера «Варяг». А неподалеку — две очень похожие могилы. И две надписи на красных пирамидках со звездочками: «Электромеханик Дальневосточного пароходства Рыбачук Николай Никитич. Погиб во время бомбежки теплохода «Туркестан» американскими агрессорами в г. Камфа»; «Боцман Дальневосточного пароходства Зотов Юрий Сергеевич. Погиб во время бомбежки теплохода «Гриша Акопян» американскими агрессорами в порту Камфа».

Здесь похоронены советские моряки — те, кто, не щадя собственной жизни, помогал народу Вьетнама в его освободительной борьбе.

Да, могилы могилам рознь. Одни молчаливо кричат о позоре и бесчестии, другие хранят память о героизме, самоотверженности и человеческом благородстве.

...Уроки географии, если под ними понимать постижение нашей Родины, постижение нашей планеты, не кончаются вместе со школьной программой. Они продолжают всю жизнь.

Я люблю отмечать на карте города и страны, в которых мне посчастливилось побывать. Таких городов и таких стран немало. Но когда теперь, оглядываясь назад, перебирая в памяти свои поездки, я пытаюсь выделить самое главное, основное, самое важное, я вспоминаю не прекрасные музеи и не величественные соборы, не поражающие воображение небоскребы и не застывшие на площадях памятники, я вспоминаю людей —

тех, кого объединяет, кого роднит одна мысль, одна воля, одно стремление — стремление к миру. И ненависть к войне.

Я вспоминаю седую французенку, вдову героя французского Сопротивления, отдавшего жизнь в борьбе с фашизмом, я вспоминаю негритянку из Вашингтона, страстно выступавшую против нейтронной бомбы, я вспоминаю пожилого японца, познавшего и смертельный ужас боя, и плен, и гибель родных под американскими бомбами, и с тех пор глубоко ненавидящего войну... И когда сегодня на экране телевизора, мгновенно переносящего нас из одной страны в другую, я вижу многотысячные демонстрации, протестующие против ядерного вооружения, против угрозы новой войны, я знаю: в колоннах идут и мои друзья. Да, я называю их друзьями, хотя наше знакомство чаще всего бывало непродолжительным и беглым. И все-таки мне хочется сказать именно это слово: «друзья». Потому что мы протягиваем руку дружбы всем, кто ненавидит войну, всем, кто отдает свои силы борьбе за мир.

Наш народ, наше государство, наша партия всегда и повсюду выступают за мир. Мы знаем истинное лицо войны и истинную цену миру.

Взгляните на карту нашей страны. БАМ и Саяно-Шушенская ГЭС, Атоммаш и газопровод Уренгой—Ужгород, атомные электростанции и нефтяные вышки, новые города и

оросительные каналы... Это лишь малая часть того, что строится, возводится, создается руками советского человека. Великая созидательная работа — во имя счастливой жизни — идет на просторах нашей страны. Мирная работа.

Однажды мне довелось пересечь всю нашу страну — от Москвы до Владивостока. И это тоже был самый наглядный урок географии. Я ехал на поезде, и навстречу нашему поезду бежали составы с лесом и нефтью, с легковыми автомобилями и станками, с углем и сеялками... Я выскакивал на больших станциях, чтобы купить газеты, и газетные страницы рассказывали мне о тех, кто осваивает просторы Сибири, кто добывает нефть и строит дома, кто собирает урожаи и тянет электролинии... Казалось, я заново открывал для себя огромность, величие и могущество своей Родины...

В детстве, когда я разглядывал карту мира, когда с любопытством прикасался к глобусу, я даже в самых фантастических мечтах не мог представить себе, не мог вообразить, что пройдет время, и мы с помощью наших космонавтов сумеем взглянуть на нашу Землю с космической орбиты.

Теперь мы знаем, какой прекрасной и какой беззащитно-доверчивой выглядит наша Земля оттуда, сверху... И оттого мы говорим сегодня: наш долг, долг всех людей на планете Земля, всемерно беречь и хранить ее, беречь и хранить ее моря и леса, ее города и хлебные нивы, ее горы и реки — всю ее неповторимую красоту и богатство... Чтобы никогда и никому ни на одной карте мира больше не приходилось отмечать линию фронта, проходящую через сожженные города и села. Чтобы ядерный пожар никогда не разразился на нашей Земле.

Во имя этого мы живем и работаем. Во имя этого шагаем в первых рядах самой великой и самой человеческой армии на земле — армии сторонников мира, армии борцов за мир!

ПРАЗДНИК „ЗНАМЯ МИРА“

Его ждали, к нему готовились.

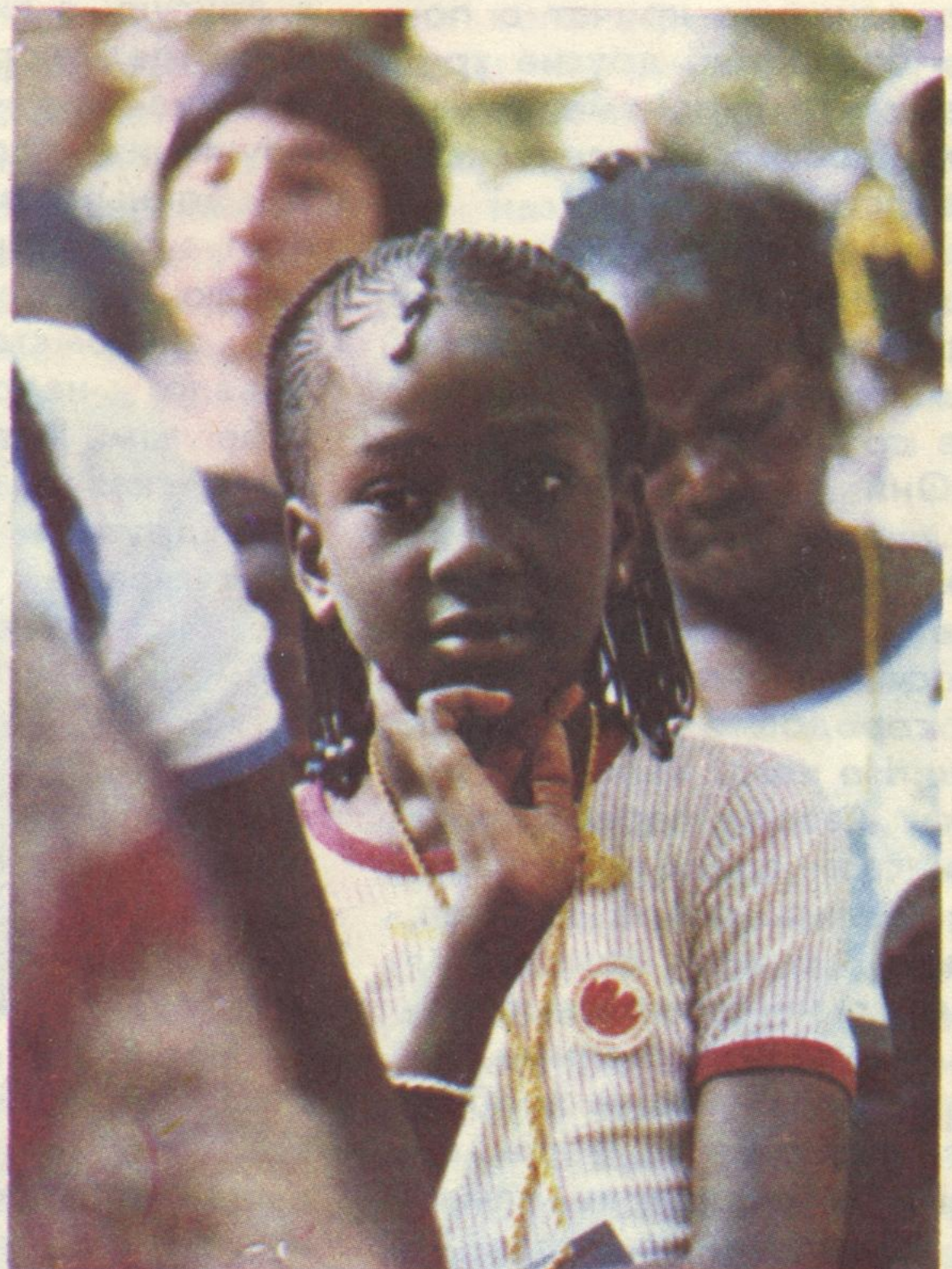
И вот он — незабываемый миг. «Бом! Бом! Бом!» — удары колоколов, как удары сердца.

Это колокола софийского монумента «Знамя мира» возвестили всем людям Земли, что Вторая детская международная ассамблея начала свою работу.

В ее работе приняли участие делегаты 105 стран — 1200 юных певцов и музыкантов, танцоров и поэтов, конструкторов и техников, художников и скульпторов. В том числе — мальчишки и девчонки нашей страны.

Девизом ассамблеи были слова: «Единство, творчество, красота», слова, понятные всем детям земли.

О том, как проходила в столице Народной Республики Болгарии Вторая детская международная ассамблея «Знамя мира», и рассказывают эти снимки.

Комиссар
Петраков Дмитрий Андрианович,
1941 г.

ДОЧЬ КОМИССАРА

жизни и смерти... Я понимаю: майор Петраков сейчас для многих людей — символ, образ, в котором соединились миллионы советских солдат, сражавшихся за Родину. А для нас, родных, он — бесконечно дорогой — обыкновенный человек.

В семье память об отце бережно хранится. По всем большим и маленьким праздникам на стол неизменно выставляется чашка с пельменями, которые делали по «северному рецепту» папы, ведь он родом из Архангельска.

Мила Петракова,
1941 г.

Шесть лет назад, в августовском номере «Костра» (1977 г.) мы рассказали об удивительной следопытской истории. На одном из героических рубежей Сталинграда, получившем название Солдатское поле, был открыт необычный памятник — бронзовая девочка с цветком в руке, олицетворяющая спасенное поколение.

На бетонном треугольнике высечен текст письма, где есть слова: «Будь счастлива, дочка». Это — последнее письмо защитника Сталинграда майора Дмитрия Петракова, погибшего в боях, дочери. Следопыты Волгограда, пионеры и комсомольцы, разыскали девочку, теперь Людмилу Дмитриевну Фадееву-Петракову, и пригласили ее приехать в Волгоград.

«Трудно передать чувства, которые я испытала, оказавшись на Солдатском поле, — сказала Людмила Дмитриевна юным волгоградцам. — Об этом клочке земли, возрожденном к жизни волгоградскими комсомольцами, много слышала, читала. И вот наконец — я в Волгограде. В первый же день чуть ли не сразу с самолета — на Солдатское поле. Знакомую скульптуру и лежащий у ее подножия бетонный солдатский треугольник увидела издали. И будто остолбенела — ком к горлу подступил, стою, не могу с места сдвинуться. Вот оно, поле боя моего отца, поле его

В доме у нас хранится ладан, сплетенный отцом из бересты во время одного из походов в лес. Он очень любил охоту, рыбалку, восхищался красотой птиц, цветов, деревьев. Во многом благодаря его стараниям, наш двухэтажный дом в центре Ульяновска буквально утопал в зелени.

Хорошо помню, как мы с мамой получали письма-треугольники с фронта. Мама сначала их читала сама, а потом терпеливо «переводила» их мне — ведь в сорок втором мне исполнилось только шесть лет.

Отец писал часто. Однажды из Сталинграда мы получили листок, написанный левой рукой, — это когда отец лежал с ранением в госпитале. Почти каждое письмо сопровождалось каким-нибудь шутливым рисунком. Например, на одном из последних нарисована парта, сидящая за ней девочка, внизу сделана подпись: « $2 \times 2 = ?$ Кого-то ждут в школе?» Я тогда собиралась идти в первый класс, и это событие отца очень волновало.

О его мужестве и героизме нам рассказывали многие его однополчане и следопыты. А теперь вот и эта встреча на Солдатском поле. И почему я сейчас плачу, вы понимаете... Я приехала, чтобы сказать вам: «Большое спасибо».

Подготовил Г. УСЫСКИН

СТАНЦИЯ ЖАРМА

Юрий КАЛИНИН

РАССКАЗЫ

Рисунки Б. Аникина

БУДИЛЬНИК

В сорок первом году, после окончания транспортной академии мой отец получил назначение на Турксиб. Он тотчас уехал на место работы и мы — мать, я и две сестренки — некоторое время продолжали жить в Москве, а когда он за нами приехал, началась война. Родители спешно собирались в дорогу, прихватив с собою, что поместилось в руки, и мы много дней ехали пассажирским поездом вглубь страны, в неведомый Казах-

скую войну на барахолке в Кисловодске. Его только что приняли на работу путевым рабочим и он боялся проспять свой первый рабочий день. Был он тогда еще совсем мальчишкой, но нужно было помогать семье, оставшейся без кормильца.

А в эти военные дни отец уходил на работу сосредоточенный, суровый, небритый. Паровоз уже стоял под парами... Но всегда при уходе отца из дому была минута, которую я ждал с замиранием сердца. Перед самой дверью, как бы спотыкаясь обо что-то, он останавливался,

стан, на еще более неведомую станцию Жарма.

С того дня, как мы со своими пожитками вошли в гулкую служебную квартиру, отца мы видели урывками, бывало и с недельными перерывами, когда он возвращался домой после многосурочной изматывающей работы на линии.

Маленькие сестренки не раз, украдкой от матери, пытались разбудить отца. Им, как всегда, хотелось повозиться с ним и было совершенно непонятно, как это можно спать среди бела дня, когда этого и вечером делать не хочется! Но отец спал так, что не чувствовал ни дерганья за руки, ни даже того, что ему зажимали нос. У него сейчас же открывались губы и он дышал ртом.

Просыпался он только по звонку будильника.

В назначенное время будильник взывал хриплым противным звонком. От этого звука у отца срабатывал многолетний рефлекс. Он просыпался сразу, без тягучего перехода от сна к бодрствованию. Резко поднимался и начинал обуваться и одеваться. Пил обжигающий чай и спешил на работу, иногда забыв даже умыться.

Потом, уже после войны, он как-то признался мне, что купил этот будильник еще в граждан-

на секунду задумывался и вдруг оборачивался, устало улыбаясь.

— Ну, я пошел, тараканы... — говорил он нам, легонько трепал на моей голове волосы, а младших сестренок по очереди подбрасывал высоко под потолок, отчего они начинали радостно смеяться и визжать. Мы гурьбой повисали на отце и мать с трудом отрывала нас от него.

Из первых месяцев жизни в Жарме я больше всего и запомнил именно эти минуты да жестяной будильник, после звонка которого эти минуты и наступали.

Будильник был дешевый, что называется, пролетарский, без камней, с осями шестерен на смазке. Отец регулярно разбирал механизм, тщательно смазывал его специальным костным маслом из масленки, и каждый раз говорил одни и те же слова:

— Теперь как новый!

Сколько я помню, в войну стрелка звонка, в те дни, когда отец отсутствовал, стояла на пяти часах. Мать поднималась в это время по утрам, и я только теперь могу себе представить, какие трудные, просто отчаянные часы выпадали ей на долю. Нужно было согреть печкой комнату,

почти не имея дров, накормить детей, почти не имея пищи, собрать меня в школу, наскоро, угольным утюгом просушив мою, выстиранную с вечера одежду. И в довершение ко всему однажды вечером будильник остановился.

Мать испуганно завела его до самого упора пружины. Механизм от напряжения невнятно хрюкнул и окончательно замолк. Мать сильно потрясла его. В ответ на это в нем что-то прошестело, но стрелки не тронулись. Тогда она столовым ножом стала отворачивать винты задней крышки. Руки у нее тряслись и глаза были испуганы. Когда крышка отвалилась, мать всплеснула руками.

— Ах, что б вас!..

Внутренности будильника были полны тараканов. Мать стала поспешно вытрясать их в помойное ведро. Освобожденный механизм тотчас ожил, маятник закачался, шестеренки двинулись и комната наполнилась веселым привычным тиканьем.

Экономия охватила всех. Когда нужно было разжечь печь, мать посылала меня из дому «за угольком». При этом давала мне в руки старинный угольный утюг.

Выйдя на крыльцо, я смотрел на печные трубы. По дыму определял, к кому бежать. Возвращался быстро, раздувая на бегу уголек. Мать вынимала его из утюга и совала в печь. Мы становились с ней на колени и во все легкие начинали раздувать пламя. Сначала от раскаленного уголька обугливались тонкие щепки, на которых язычками вспыхивали огоньки. Мощная тяга трубы, удлиняя их, всасывала пламя в темные щели между поленьями, наколотыми из старых, пропитанных креозотом шпал. Мать прикрывала дверцу, приоткрывала поддувало и тут же в печи начинал бушевать и гудеть стиснутый узкими кирпичными стенками неистовый огонь.

В доме становилось тепло, а на душе веселее. Зимний вечер казался не таким темным и стылым.

Услышав это тиканье, мать вдруг обняла меня и заплакала.

— Вот окаянные! — сказала она сквозь слезы. — Как напугали... Всю смазку с голодухи съели...

Она долго потом протирала будильник, рассматривала его со всех сторон, даже гладила его и вздыхала.

Потом, много лет спустя, я все хотел спросить, о чем вздыхала она? Но не решался неаккуратным вопросом обеспокоить мать воспоминаниями об отце. Теперь жалею, что не спросил. Спросить уже не у кого...

КРЕСАЛО

Война сразу проявила истинную ценность предметов, продуктов. Дороже всего стали хлеб, соль, молоко, мыло и спички.

Когда нам, мальчишкам, попадали в руки две-три спички, то какая бы погода ни была, — дождь, ветер, непролазная слякоть, — мы убегали на берег Жарминки и с одной спички разжигали костер, потому что спички нужно было экономить.

Электричество в домах отключали рано, а керосин для ламп берегли. Мать читала нам книжки при открытой дверце печи. У печи было и тепло, и светло, и уютно, и немного таинственно. А главное — не так страшно.

Лютыми зимними ночами в поселок забредали голодные, готовые на все волки. Их далекий вой по ночам бередил душу. Нередко они забирались в сараи и резали скот. Бывали случаи, когда они вытаскивали из конуры и съедали собаку.

Когда со спичками стало совсем туго, курильщики вспомнили старину. Каждый из них обзавелся кресалом — нехитрым приспособлением, состоящим из кремнистого камня, стальной пластины и фитиля из пеньковой веревки. Если не было веревки, в дело шла вата, ветошь, на худой конец годилась и просто хлопчатобумажная тряпка.

Я тоже сделал себе кресало. Это было не кресало, а чудо! Я едва дождался вечера, чтобы побежать к своему другу Талгату.

Вечером я взялся за ручку нашего телефона и крутнул ее. Тогда были в употреблении настенные телефоны с витиеватыми корпусами из красного дерева и большой никелированной чашкой

велосипедного звонка наверху. Они висели в конторе дистанции пути, в депо, у дежурного по станции на крохотном вокзале и в квартирах железнодорожников, работавших по вызовам.

Мне нужно было узнать только одно: дома ли Талгат? Бежать к нему в морозную темень и потом узнать, что его нет дома, было просто неразумно.

— Толя, ты дома? — закричал я. — Кто у тебя дома?

Талгата мы по-русски звали Толя.

В Жарме было две школы. Русская и казахская. В русской школе преподавание велось на русском языке, но с обязательным уроком казахского, а в казахской школе преподавали на казахском языке, но с обязательным уроком русского. В какую школу отдать детей, решали родители.

Талгата отдали в русскую и он стал у нас Толей. Это был подвижный черноглазый мальчишка. Веселый и добрый. Тяжело бы дался мне казахский язык, если бы не Талгат. Русским и казахским он владел свободно. Он был моим толмачом и моим учителем. Благодаря ему через год я довольно сносно мог изъясняться по-казахски. Мы с ним быстро подружились.

Талгат закричал от радости, услышав мой голос по телефону.

— Приходи! У меня дома никого!

По вечерним жарминским улочкам я пробежал к нему почти мгновенно. Едва не отморозив на бегу нос. К ночи температура сильно упала.

Мы закрылись в чулане и там, в полной темноте я продемонстрировал качества своего кресала. В чулане все получилось даже эффектнее, чем на улице. Искры вылетали снопом.

Сначала высекал искры только я. Затем кресало взял в руки Талгат. Он чиркнул железкой по камню и фитиль тотчас зажегся. Мы смеялись и дурачились от радости.

Нас выгнали из чулана, когда сквозь щели двери просочился в комнату запах паленой веревки. Возвратившиеся домой родители Талгата не на шутку всполошились, почуяв в доме запах гари.

Я засобирался домой. Отец Талгата по телефону предупредил мать о моем выходе. Из разговора я понял, что прибыл с линии отец. Это заставило меня поспешить.

Морозище стоял лютой. Луна висела высоко в небе в радужном ореоле. Я вдохнул воздух и ноздри мои слиплись от мороза. В лунном свете чернели силуэты домов с редкими огоньками в окнах. Улица была пустынна, как ущелье в горах. Каждый шаг моих валенок отдавался громким хрустом.

Закрывая нос варежкой, я торопливо шел вдоль заборов, как вдруг не столько увидел, сколько почувствовал, что позади меня и несколько сбоку мелькнули тени. Я в страхе оглянулся, улица позади меня была пуста, но я не мог отделаться от ощущения, что кто-то за мной движется следом. Я прибавил шагу. Опять оглянулся. Мне показалось, что тени метнулись к забору.

В животе у меня похолодело. Волки!

На ходу, трясущимися руками вынул я из мешочка камень, наугад приладил к нему фитиль и нанес по камню скользящий удар. Сноп искр осветил пространство передо мной. Фитиль затлел. Я взмахнул им в воздухе, ощущая спасительный для меня чад горящей веревки.

Я бил по камню железкой и шел к дому, бил и шел...

Впереди в темноте мелькнул светящийся глаз.

«Окружают...» — с ужасом подумал я и еще яростнее стал высекал искры.

Огонек приближался и вздрагивал. Это была горящая папираса.

— Папка! — закричал я и мой голос сорвался.

— Сынок! — отозвался он. — Это я!

И тут, забыв обо всем, я бросился к нему бегом.

— Ну, не страшно одному?

— Я не боюсь! — соврал я. — Не боюсь.

Отец засмеялся и обнял меня. Так, обнявшись, мы и подошли к дому.

САЛЮТ

Нам казалось, что он никогда не спит. Ночью он сторожил продовольственный магазин, а днем мы встречали его с ружьем то в степи, то в зарослях ивняка у своенравной Жарминки.

Зимой речка прочно замерзала и ее так заносило снегом, что порой было и не разобрать, где берега, а где русло. Зато весной она клокотала и пенилась, с шумом неся необъятное количество талой воды. Но, отбушевав неделю-другую, смолкала, а к середине лета, в жару, так мелела, что едва журчала на перекатах. Между ними в заводях мы и ловили почти голыми руками рыбу. Кусками марли, как бреднем, выцеживали из теплой воды мальков чебачка и пескарей. Серозеленых щурят мы добывали по-другому. Брали длинную палку и на конце ее прилаживали волосяную петлю. С превеликой осторожностью окунали петлю в воду перед неподвижно стоящим у коряги щуренком и потихоньку, почти не дыша, протаскивали ее за жабры и тут же подсекали.

Научил нас всему этому дедушка Леонтий.

В грубых ботинках, в латаных армейских галифе и гимнастерке, белой от солнца, он выглядел вечно занятым, куда-то спешащим с серьезным, но добрым лицом. Почему-то казался он мне очень одиноким.

— Дедушка, — спросил я его однажды, — а у тебя родственники есть?

Морщинки на его лице долго оставались неподвижными, потом паутинкой сбежались к уголкам глаз — поблекшим, но еще зорким глазам охотника.

— Пока есть, — ответил он. — Воюют у меня сыны с германцем.

— С фашистами? — переспросил я.

— С ними. Вот побьют их и вернутся, — улыбнулся он. — Вот тогда заживем! После победы все будет.

Мы — жарминские мальчишки — тоже с нетерпением ждали победного дня. Нам тоже каза-

лось, что сразу после победы всего должно быть вдоволь, а главное, еды.

Еду мы добывали как только могли. Через станцию иногда проходили составы с открытыми платформами, на которых провозили большие плиты жмыха. Подсолнечного и хлопкового. Перед станцией перегруженные составы на подъемах шли медленно и мы успевали на ходу вскочить на ступеньки тамбура, сбросить обломок плиты и быстро спрыгнуть в мягкий песок насыпи.

Самой сытной порой было лето. Иногда после ночного дежурства дедушка Леонтий собирал нас у водокачки и уводил за речку. Там научил он нас находить сочную заячью капустку, откапывать приторно-сладкий корень, который мы звали «солодка», и разыскивать в степи лук-сарамсак.

Каждый раз, выводя нас на промысел, дедушка становился серьезным.

— Перво-наперво дисциплина, — говорил он и поднимал к кустистым бровям корявый указательный палец. — Не разбредайтесь. Я на разведку схожу. За старшего оставляю Колю.

Колька Пухов — самый крепкий и спокойный из нас. Дедушка чаще всего поручал ему роль временного командира.

Дедушка уходил, держа под мышкой приклад опущенного стволами к земле ружья. А мы ждали. Ждали выстрела.

Еще не выжгло траву солнце, еще в лощинах бормочут полноводные ручьи, летают бабочки, верещат жаворонки. Еще полно в межгорьях полевых цветов. Но уже земля прогрелась настолько, что мы ходим по ней босиком. В траве, обволакивая ее, поднимаясь над нею, стоит немолчное стрекотание кузнечиков. Над холмами парит орел. Он застывает на месте и вдруг камнем проваливается к земле. Мы смотрим на него и гадаем, что стало его добычей: заяц, лиса или обыкновенный суслик?

Хлоп! — доносится до нас звук дедушкиного ружья. И разом вся ватага срывается с места.

Мы бежим в направлении звука выстрела, спотыкаясь, падая, вставая...

Дедушка идет нам навстречу, улыбаясь и держа на весу рыжую куропатку.

— Дедушка, покажи!

— Испачкаетесь, — предупреждает он нас. — Лучше быстро собирайте топливо.

Мы разлетаемся в стороны. От усердия приносим сушняка и сухих коровьих лепешек больше, чем нужно. Дедушка сидит на камне и чистит птицу от пера. Очистил, вынул из холщового заплечника почернелый котелок и приладил его над костром.

Мы сидим и жадно глядим в котелок. Дедушка очистил сарамсак, порезал его и засыпал в кипяток. Помешал ложкой варево, попробовал на вкус и добавил щепотку соли. Снова попробовал и улыбнулся.

— Теперь в самый раз!

Он ставит котелок на землю, дает ему немного остыть и протягивает ложку самому младшему из нас. И мы строго по очереди подносим ко рту пахучее варево и глотаем его, ощущая, как каждая капля растекается внутри нас, согревая и взбадривая.

Дедушка сидит в сторонке, улыбается, потягивая едкую самокрутку. И всегда получается так, что ему самому ничего не остается.

— Ладно, ладно! — улыбается он нашему смущению. — Я сыт.

К концу войны он все еще сторожил магазин, но уже ходил медленно, с палочкой. Мы часто по старой дружбе навещали его, приносили жареных чебачков, костистых щурят, а по сезону и ягоды. Дедушка Леонтий благодарно улыбался и тут же все скармливал маленьким ребятишкам, которые всегда крутились около него.

Последняя военная весна выдалась на редкость дружная. Таяло так, что Жарминка совсем выбилась из берегов. Она гудела и рычала, подмывая берега, неся обломки деревьев, грязно-серые глыбы рухнувшего с берегов снега и размокшие вороха прошлогоднего сена.

На большой перемене мы сговорились с мальчишками сбегать и посмотреть на паводок. Но неожиданно на уроке арифметики Кольку Пухова вызвали к директору школы. Колька побледнел и вышел, не собирая портфеля. Мы уже знали, что означали такие вызовы...

Колькина мать, как получила «похоронку», так и просидела с ней в руке посреди комнаты до прихода женщин. Пришел и дедушка Леонтий. Совсем старенький.

— Марья! — сказал он тихо. — Иди работай, милая. Поплакать — поплачь, а убиваться не смей. Да и нет таких слез, что оттуда выплывают. Иди. Работай...

Он подошел к ней и взял за руку. Она послушно встала.

— Иди, — сказал дедушка. — Как-нито сообща с бедой справимся.

Однажды перед рыбалкой мы забежали к дедушке за крючками, которые он умел делать из гвоздей, и увидели, что он сидит, неуклюже прижав к себе окостеневшими руками ружье. Сидит, спиной подперев дверь магазина. Любопытный паучок спустился с крыши к самому лицу дедушки и проворно побежал по серебряной ниточке вверх. Когда мы подошли совсем близко и увидели этого паучка, в страхе попятнулись. Дедушка не дышал.

Как всегда, когда долго ждешь, радость приходит неожиданно. Нас разбудили ранним майским утром. Уже рассветало, но будильник еще не звонил. В дверь остервенело замолотили кулаками. Мать прямо с постели бросилась к двери. Вбежала соседка.

— Степановна! — закричала она. — Война кончилась!

Они стали целоваться, обниматься и плакать. Я выскочил на улицу следом за ними.

Утро занялось вовсю. Где-то на краю поселка неудержимо радостно заиграла гармошка. Бабы голоса пополам со слезами запричитали со всех сторон, и все, что было в поселке живое, точно река, прорвавшая лед, потекло на станцию.

Со скрипучей деревянной трибуны кто-то говорил речь, кто-то неутешно рыдал, кто-то отплясывал чечетку...

В толпе нас разыскал и собрал Колька.

— Берите поджиги, — сказал он.

Кладбище пахло сыростью и прелью. Заря порозовила стволы тополей. Было зябко и немного жутковато. Мы сгрудились возле могилки дедушки Леонтия, стараясь от страха держаться друг возле друга.

Колька поднял свой поджиг.

— А война-то, дедушка, кончилась... — сказал он.

И мы разом чиркнули спичечными коробками по запальным спичкам своего оружия.

Трескучий залп рванул кладбищенскую тишину и эхо от него постепенно угасло, точно ушло глухо под землю.

ЧОМГА

И. ЛЕБЕДЕВ

На Сухумском побережье Черного моря январь дышит не холодом, а весенней свежестью и теплом. Я прогуливался вдоль берега и любовался морем. Невдалеке плавали чайки, чомги и бакланы — здесь они проводят свою зимовку.

На берегу, у кромки воды, сидела чомга и клювом чистила живот. Я остановился и стал наблюдать за ней. То, что птица чистится — не удивительно, так поступают все птицы. Но чомга почему-то упорно чистила только живот. Я подошел поближе, птица подняла голову, привстала на лапки-весла и, спотыкаясь о камешки, пошла мне навстречу. Она то и дело теряла равновесие, падала грудью на камни, издавала горлом какие-то непонятные звуки.

Я взял чомгу на руки. Ее белоснежная грудь и живот были черными от мазута. Надо спасать птицу! Я принес беднягу домой. Перво-наперво надо птицу накормить — пошел за рыбой. Купил мелкой рыбешки на рынке, покормил, чомга тут же уснула, спрятав острый клюв под крыло.

Утром мы с чомгой позавтракали, и я стал всеми доступными мне способами чистить перья бедной птицы. Ничего не получалось! Мазут не отмывался. Как помочь беде? Положение казалось безвыходным.

И тут меня осенила мысль: надо сходить в химчистку!

Работники мастерской охотно откликнулись на мою просьбу помочь птице. И уже через час мы с чомгой шагали домой. На белоснежной груди и животе чомги играли солнечные лучи.

Прожила у меня чомга еще двое суток. За это время окрепла, отдохнула, вдоволь отоспалась. А на третий день я отнес ее к морю и выпустил. Она сделала несколько шагов, остановилась, осмотрелась и вошла в воду.

Сияя белоснежной грудкой, птица поплыла все дальше и дальше от берега.

ТЕАТР

ОСОБОГО

НАЗНАЧЕНИЯ

В уютной примерной актрисы Ленинградского театра юных зрителей народной артистки республики, лауреата Государственной премии РСФСР Ирины Леонидовны Соколовой я оказалась впервые.

Спокойный, внимательный взгляд из-под светлой челки, ровный и неожиданно тихий голос. На небольшом столике у зеркала — букет красных тюльпанов — час назад закончился утренний спектакль.

В моем блокноте было несколько обычных вопросов — о детстве, о ее пути на сцену, о ролях. Ирина Леонидовна заговорила задумчиво, будто вслушиваясь в себя.

Самым первым и самым острым ощущением ее детства стала война. Большая беда вошла в жизнь страны, в жизнь взрослых и совсем юных граждан...

И здесь невозможно было не вспомнить о военной истории самого Ленинградского ТЮЗа, который в те годы полностью оправдывал данное ему когда-то название: «театр особого назначения».

Строчки из дневника основателя ТЮЗа — Александра Александровича Брянцева, чье имя с гордостью носит театр сегодня:

«1942 год. Ленинград.

22 мая. ...Около одиннадцати часов был уже в ТЮЗе на Моховой. Грустно, что бросил его в декабре, что не был в Ленинграде в самые тяжелые для ленинградцев месяцы. Обидно и стыдно...»

Какие горькие, беспощадные слова...

22 марта 1941 года Ленинградский ТЮЗ играл премьеру — антифашистский спектакль по пьесе-сказке В. Каверина «В гостях у Кощея». Ровно через три месяца началась Великая Отечественная война. Театр продолжал работать в Ленинграде, правда, спектакли приходилось играть не каждый день — рыли окопы, создавали бригады для выезда в военные части, защищавшие подступы к городу. Провожали своих товарищей — добровольцев, вступивших в ряды ленинградского ополчения. Во время фронтовых встреч с бойцами артисты узнавали в них вчерашних школьников — своих родных тюзовских зрителей.

20-го августа 1941 года ТЮЗ открыл свой 21-й сезон. К этому времени многие работники переселились в здание театра на Моховой — их дома были

разрушены во время бомбежки. В своем дневнике Брянцев записывает:

«Домой бегал только питаться, а с 6-го сентября и вся моя семья... переселилась в ТЮЗ».

Работать становилось все труднее. Иногда спектакль не удавалось сыграть в один день. Начиналась тревога, ребята-зрители уходили в бомбоубежище, а актеры — на посты МПВО. Если тревога затягивалась допоздна, — ребят отправляли домой, предлагали прийти завтра. И они приходили.

От эвакуации театра Брянцев категорически отказывался. «Уезжать никто не хотел», — вспоминал он.

Что же держало коллектив ТЮЗа в Ленинграде? Что заставляло его работать в тяже-

лейших условиях и не позволяло уехать?

«Держали прежде всего ребята. Несмотря на бомбежки, спектакли шли, и зритель к нам шел, — писал в своих воспоминаниях Александр Александрович. — ...Ребята были лишены школы, лишены семьи. Дети понесли от войны ущерб больший, чем кто бы то ни было, — отцы... на фронте, матери заменили отцов на работе, и ребята были предоставлены сами себе. Для ленинградских ребят ТЮЗ был единственным местом, где они могли... отогреть свою растревоженную душу, и они всячески тянулись к театру. Бросать их было нельзя. Ведь 30 тысяч ребят-школьников оставались все же в Ленинграде...»

6 ноября вечером в соседние с ТЮЗом дома упали две бомбы замедленного действия. Моховую улицу закрыли и спектакли прекратились. Но тюзовские бригады продолжали поездки с концертами на фронт, который был уже совсем рядом.

«Я каждый день бывал в Смольном. ...К моей большой радости день за днем отодвигался наш вылет из Ленинграда. У меня уже родилась надежда, что нам удастся остаться в родном городе и продолжать работу».

Но решение об отъезде театра было принято. Пришлось подчиниться.

Чтобы обеспечить постановки в Березниках, куда эвакуировался ТЮЗ, надо было погрузить в самолет костюмы и бутафорию — груз тяжелый. В этом театру отказали. Тогда тюзовцы решили — в счет двадцати килограммов личного багажа, который было разрешено взять с собой каждому улетающему, брать по шесть килограммов театрального реквизита.

В Березниках не было своего театра. ТЮЗ ставил и играл спектакли и для детей, и для взрослых. Он заслужил полное признание и любовь. За два

с половиной сезона было показано не меньше полутора десятка пьес.

Но все равно артистов тянуло в родной город, к пережившим блокаду ленинградским детям. Наконец театр еще до окончания войны возвращается в Ленинград. И здесь произошел случай, о котором Брянцев часто вспоминал.

На одной из улиц его встретила совсем незнакомая женщина. Посмотрела на него:

— Ой! Александр Александрович?

— Да.

— ТЮЗ!

Она бросилась Брянцеву на шею и разрыдалась. На его недоуменное: «Что такое?», сказала сквозь слезы: «Я ваша старая зрительница... Вы не представляете, как радостно увидеть частицу ТЮЗа, который возвращается в Ленинград!...»

Вот что вспомнилось мне во время моего разговора с Ириной Леонидовной.

«Впрямую я сама с войной вроде бы и не столкнулась, — тихо сказала она. — Не воевала ведь — совсем маленькой была тогда. А недавно — девятого мая — смотрю хронику по телевидению, а в горле комок стоит...»

Ирина Соколова родилась в Ленинграде, но детство ее прошло в далеком Мурманске, куда она была эвакуирована вместе с бабушкой и мамой, актрисой драматического театра. В 42-ом году под Сталинградом погиб отец. Ире было тогда два года, но странная детская память умудрилась сохранить зыбкий, скорее осязаемый, чем видимый образ. До сих пор помнит она сон, в котором ей снился отец. Остался в памяти и детский сад, где к эвакуированным ленинградским ребятишкам относились «с какой-то особой теплотой и бережностью». Может быть именно потому и запомнилось разученное к празднику военных дней коротенькое стихотворение «Мы белые снежиночки»...

Я слушала Ирину Леонидовну и вспоминала, как школьницей еще сидела рядом с мамой в новом тюзовском зале на спектакле «Жила-была девочка». Ирина Соколова играла в нем Настю, маленькую жительницу блокадного Ленинграда. Была в ее игре какая-то поразительная достоверность, была бережность в отношении к деталям — будь то хлебные крошки на ладони, чуть греющая «буржуйка» или нежданная радость — кружка жидкого супа. Была неподдельная, пронзительная горечь и боль. Словно память о пережитом. Не пишет с фронта отец. Умирает от голода мама. Гибнут знакомые, близкие люди. И уже на самом краешке жизни, пытаюсь перекричать свист падающего снаряда, одна, в пустой комнате Настя отчаянно читает новогодний стишок о белых снежинках, словно назло войне, назло самой смерти...

Впервые так остро отозвалась во мне тогда война — рядом вздрогнула и неожиданно заплакала, коснувшись меня рукой, моя обычно сдержанная мама.

И, думаю, совсем не случайно произошло это именно в ТЮЗе — в Театре особого назначения.

Н. МИХАЙЛОВА

ДАЛЬНИЙ УЧИТЕЛЬ

Какой возраст в жизни человека самый трудный? Может быть, младенческий? Недаром младенцы так часто плачут... Нет, природа распорядилась мудро, и вырастая, мы ничего не помним о своих младенческих бедах и обидах. И знаем о них только со слов старших.

Наверно, старость — самый трудный возраст. Силы уходят, болезни подступают... Правда, у старого человека позади целая жизнь и воспоминания о ней, и если он может сказать себе: «Я прожил не зря, люди помянут меня добром» — значит ему есть на что опереться в свои нелегкие годы.

А вот еще один возраст, с виду легкий и беззаботный, ухоженный и защищенный, но по сути то и есть самый трудный: это детство и, особенно, отрочество.

...Ты еще ничего не умеешь, но уже многое понимаешь. Желания твои опережают возможности. Надо учиться терпению (одно из самых необходимых в жизни качеств!), — а это так трудно. Самостоятельность твоя обманчива, ее пределы диктует возраст. Хочется казаться старше, однако все видят, что ты встаешь на цыпочки.

А в тебе уже проснулась гордость... Вопросы наваливаются на тебя, мир взрослых оказывается сложнее, чем ты думал. А сколько в нем острых углов!.. И главное, все у тебя впервые: дружба, товарищество, любовь. И первые потрясения. Может быть, предательство того, кто считался другом...

Где же найти опору? С родителями не обо всем посоветуешься. Бывают обстоятельства, когда не хочешь их огорчать, пытаешься сам выбраться из очередных трудностей.

С учителями в школе тоже не всегда поговоришь по душам. Твой друг-сверстник? Но его опыт мал, как и твой.

Так на что же тогда опереться?

Я скажу тебе — на стихи. Не удивляйся. Я говорю очень серьезную вещь. Конечно, это вовсе не значит, что стихи тотчас же дадут ответы на волнующие тебя вопросы. Нет, и еще раз — нет! Но когда ты полюбишь поэзию и откроешь для себя ее удивительные тайны, ты постепенно научишься разбираться в самом себе, научишься глубоко думать и чувствовать, и прежняя твоя жизнь покажется с этой высоты скучной и убогой.

Тебя ждут увлекательные поиски. Ведь надо найти своих поэтов. Тех, чьи стихи созвучны твоей душе. Тогда они всегда будут рядом с тобой — и в горестях, и в радостях, и дома, и в пути.

Сегодня я хочу посоветовать тебе прочесть стихи Валентина Берестова. Мне кажется, ни один из современных русских поэтов не вглядывается с такой пристальностью, как он, в тот, самый трудный возраст человеческой жизни, о котором мы говорили вначале. Читая стихи Валентина Берестова, ты обязательно обратишь внимание на одну их особенность, которую я бы назвал «двойным зрением». Поэт воскрешает свое детство и тут же оценивает его со своей нынешней, умудренной годами позиции. Читая его стихи, ты наверняка не раз подумаешь про себя: «А ведь и у меня так бывало! И я думал об этом, только другими, не такими точными и запоминающимися словами...»

Да, в том-то и сила поэзии, что она проникает в самую сердцевину жизни и находит то общее, что роднит всех нас — тебя, меня, его, их...

Есть у Валентина Берестова стихотворение «Пловец». Прочти его внимательно.

*Мальчишка, выбиваясь из силенок,
Барахтается, борется с волной.
А мать кричит: «Утонешь, постреленок!
Куда же ты? А ну-ка, марш домой!»*

*Но есть учитель смелый у мальчишки,
Об этом мать не знает ничего.
Он ласточкой нырнул с заветной вышки,
И на волнах увидели его.*

*Он сильной грудью волны рассекает,
Мелькает, пропадая вдаль,
И никогда, быть может, не узнает
О мальчишке, стоящем на песке.*

Мы учимся и в средних и в начальных,
Мы учимся у близких и друзей.
Но как бы жили мы без этих дальних,
Не знающих про нас учителей.

Дорогой читатель! Я был бы очень рад, если бы одним из твоих дальних учителей стал поэт Валентин Берестов. Он научит тебя смотреть на жизнь серьезно и радостно, удивляться ей и делать каждодневные открытия. Прочти его стихи. Ты увидишь, что их написал добрый и мудрый человек.

Любили тебя без особых причин
За то, что ты — внук,
За то, что ты — сын,
За то, что малыш,
За то, что растешь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

БРАТЬЯ

Дом ходуном.
Мать ужасом объята:
— Опять дерутся!
Брат идет на брата!

И гонит нас во двор,
В толпу ребят.
Двор ходуном:
Встает за брата брат!

Прощались мы. И дружбой дорожа
Девчонки, притулившейся в сторонке,
Ушастого пустынного ежа
Я подарить решил твоей сестренке.
Решил. Забыл. Прошли года. И все ж
Он колется, проклятый этот еж.

* * *

Вечер. В мокрых цветах подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час, голова на ладонях,
Мать обычно сидит у окна.

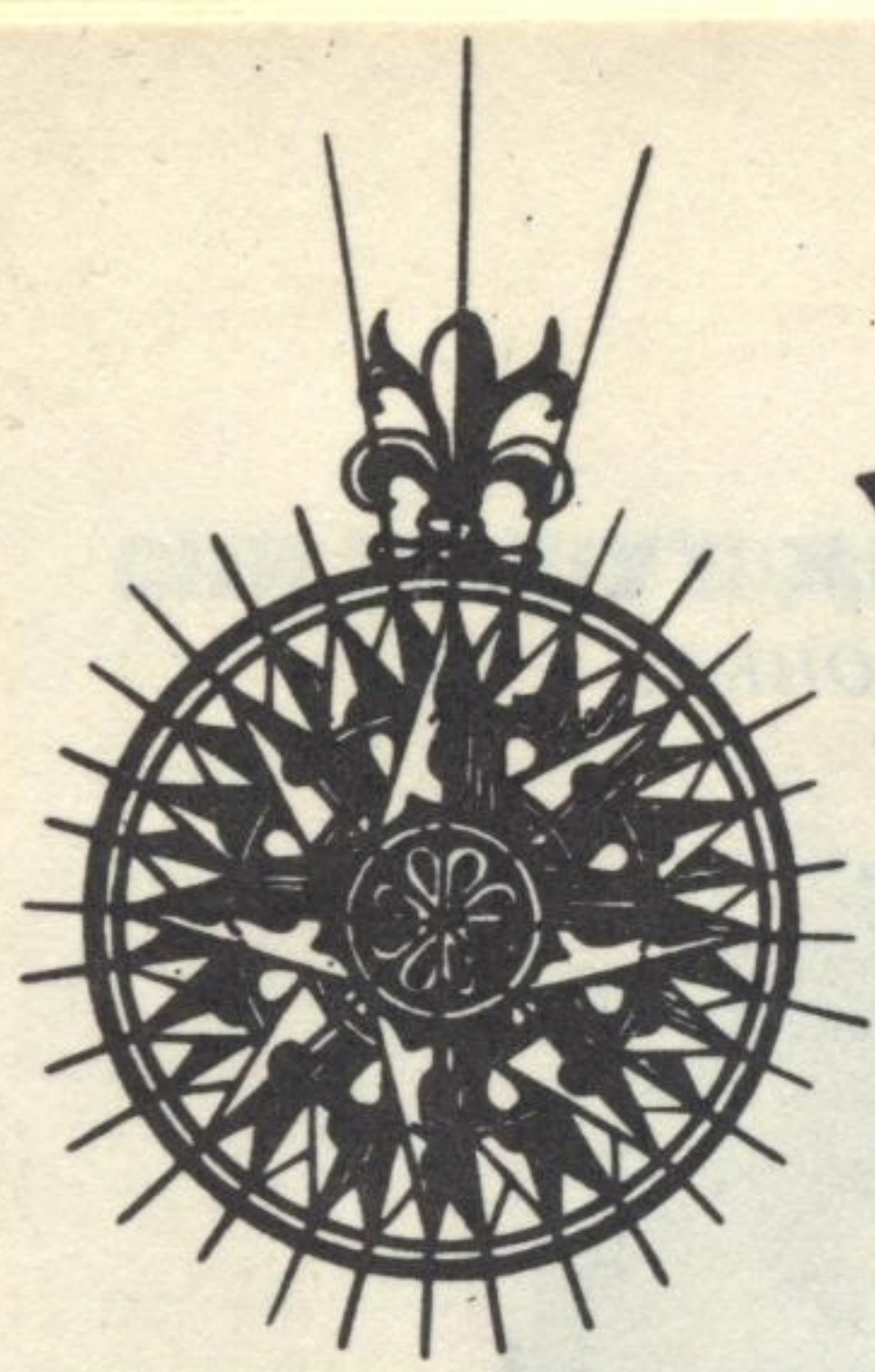
Не откликнется, не повернется,
Не подымет с ладоней лица.
И очнется, как только дождется
За окошком улыбки отца.

И подтянет у ходиков гири,
И рванется навстречу ему.
Что такое любовь в этом мире,
Знаю я, да не скоро пойму.'

Если вы, ребята, захотите прочесть и другие стихи Валентина Берестова, попросите в библиотеке его книги: «Стихи о детстве и юности». Издательство «Советская Россия», 1981 год. Или «Три дороги». Издательство «Советский писатель», 1980 год. А кто помладше, пусть попросит книжечку «Богатыри», что вышла в издательстве «Детская литература» в 1980 году.

Александр КРЕСТИНСКИЙ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление
А. Голованова
Год издания — 27-й

КАК НАШИ ПОДВОДНИКИ ФАШИСТОВ РАЗДЕЛИ...

Была такая история. В Баренцево море в боевой поход вышла наша подводная лодка.

Кончился тяжелый сорок первый год. Начался сорок второй. Фашисты перебрасывали из Европы войска и технику для наступления на Мурманск и транспорты везли пушки, боеприпасы и солдат.

Штормовые январские ветры гнали пенные волны. Из серых туч валил снег. В такую погоду не только перископ, но и всплывшую подводную

но фашисты поджидали наступления ночи, чтобы незаметно идти дальше, в порт.

Командир поглядел в перископ: громадный транспорт! На таком, наверное, десятки танков, тысячи снарядов и мин. А может быть и вражеские войска...

Осторожно приближалась подводная лодка к цели. Чтобы выстрелить торпедой поточнее.

— Носовой аппарат, товсь! — приказал командир. — Пли!..

А время не ждет. С транспорта наверняка по радио сообщили своим: «Спешите, мол, на помощь!» Вот-вот в бухту фашистские сторожевики войдут... Командир приказывает: «Всплывать! Артиллеристы к орудиям!» Решил добить транспорт снарядами.

Кинулись артиллеристы к пушкам. Открыли огонь...

«Пробкой он что ли набит, этот транспорт?» — думает командир.

Снарядов двадцать всадили артил-

лодку заметить трудно. Однако и транспорты отыскать нелегко: вражеские корабли шли почти у самого берега, чтобы не отличаться от темных скал.

Подводная лодка то всплывала на поверхность, то затаивалась под водой, поднимая перископ. Море было пустынно. Тогда командир решил обследовать бухточки, которых было много в этих местах.

Осмотрели одну бухту, другую. И вдруг в третьей увидели транспорт. Он стоял посредине бухты. Очевид-

но помчалась торпеда. Командир в перископ наблюдает. Наконец увидел: взрыв возле самого борта транспорта. Попадание!

Подождал немного командир. Только — что такое? Транспорт не тонет! Может быть на мели стоит? На камнях? Нет, глубина в бухте большая. Ждет командир. То в перископ смотрит, то на часы.

— Ничего, — говорит, — не понятно. Торпеда попала точно. Не промахнулись мы. Только транспорт не тонет...

леристы в загадочный транспорт. Затонул, наконец, фашист...

А через некоторое время узнали наши, какой груз был на транспорте. Валенки, меховые шапки да овчинные полушубки. По всей Европе их фашисты собирали для своих частей. Говорят, Гитлер, когда узнал о проплывании транспорта, от ярости ногами топал. Потому что сорвали подводники фашистское наступление. Раздели фашистов в январе...

Г. ГУСЕВ

На острове Тасмания работает удивительный маяк. Его аккумуляторные батареи заряжаются... солнцем.

Днем солнечные лучи попадают на пластины, в которых упрятаны фотоэлементы. Они-то и преобразуют свет и тепло солнца в постоянный ток. А ночью батареи питают маячную лампу. Дешево и надежно. Конечно, если есть солнце. Но в этих местах солнце светит безотказно большинство дней в году.

КАК ЛЕТАЛИ ЗА СЕРЕЖЕЙ

Когда поступил тревожный вызов, Кабанов и летчик поднялись из-за шахматной доски.

У молодого детского врача Кабанова это был первый самостоятельный вылет.

Кабанов успел запихать в рюкзак чемоданчик с лекарствами и инструментами, одеться. Нацепил обе рюкзачные лямки на одно плечо и бегом помчался на вертолетную площадку.

Голубой, лобастый, с винтом на спине, вертолет. «Летающая больница». В самые труднодоступные места, к самым тяжелым больным он может доставить врача. Сейчас вертолет подымет его и понесет — на восток, или на запад, или на север, — Кабанов не знал.

С момента получения вызова до вылета прошло четыре минуты...

Кабанов гордился собой, вертолетом и в то же время тайно страдал от неуверенности. Как-то все получится?

Он сидит в салоне вертолета, держа на коленях рюкзак и то глядит на свернутую лестницу возле двери, то смотрит в круглое окошко. Внизу снега, снега, снега, ели, дороги завалены снегом. Целую неделю — небывалые снегопады.

Маленькая тень спешит по земле вслед за летящей машиной. Кабанов волнуется, переживает за незнакомого ему мальчика. Мыслями своими, нетерпением своим он уже далеко опередил вертолет...

Дед Кондрат задержался на морозе. Ему было страшно. Страшно оттого, что ничем не помочь внуку.

С поленьями в руках потоптался на крыльчке, стряхивая снег с валенок. Вошел в сени, свалил дрова к стене, снял с гвоздя ковш и зачерпнул из кадушки воды. Маленькие льдинки плавали в воде, позвякивая.

— Ух ты! — дед в два глотка выпил ледяную воду.

Мальчик застонал за дверью, и дед, выронив ковш, метнулся в избу.

— Сережа, Сережа! — шептал он, стоя на коленях возле кровати.

Но внук не видел и не слышал. От его лица веяло жаром. Дышал он тяжело, с хрипом. Замолкал надолго, и в такие паузы дед каменно цепенел и тоже затаивал дыхание.

Никогда за свою жизнь не плакал дед Кондрат, а тут, когда Сережа начинал стонать...

Знать бы, что делать! Он бы руку себе отрубил, ногу отрубил, сердце бы свое отдал — только бы помочь внучонку...

Рация в углу замигала лампочкой — звала к себе. Дед подбежал, задыхаясь, щелкнул рычажком.

— Ну, что, ироды, прилетит врач-то? — спросил в микрофон.

— Уже летит! — ответил молодой голос. — А ты бы костер запалил, дедушка! Знак бы им подал!..

— Сделаю! — пообещал дед, выключил рацию и побежал к двери...

Прилетели засветло. Воздух посинел, сгустился, но еще оставался прозрачным. Костер возле избушки метался под ударами ветра.

Вертолет завис. Степан Игнатьевич стоял за спиной летчика и смотрел вниз.

— Не сядем! Некуда садиться! Снег глубокий!.. — крикнул

летчик в ухо врачу. — Готовься к выходу!..

И Кабанов почувствовал, как пот выступил у него на лбу. И ладони тоже стали мокрыми...

Едва он повис на лестнице, как ударил ветер, Кабанову показалось, что это дикий зверь прыгнул ему на плечи.

Обратно бы... Он замер, переживая нахлынувший страх.

Дед Кондрат, задрав бороду, смотрел с земли — видел, что лестница медленно качается, дергается от ветра. Врач ногой ловил перекладки лестницы.

Кабанов ждал. Страх сидел внутри него и кричал: «Куда ты?! Сейчас рухнешь!». Ветер выхватывал перекладки из-под ног, пытался сбросить с лестницы, колот иголками голые руки и они теряли чувствительность.

Ели — острые, черные, злые — надвигались снизу, поднимались со всех сторон. Угрожающе металась еловая лапа. Угрожающе металась пламя костра.

Только дед Кондрат стоял неподвижно, словно статуя. Вертолет под ударами ветра покачивался вверх-вниз, как

поплавок на волне. Врач повис на последней перекладине, метров двух-трех до земли ему все-таки не хватало.

Дед схватил жердину, попробовал подцепить нижний конец лестницы, но жердина была коротка и дед ее отбросил. Когда врач, разжав пальцы, прыгнул — дед Кондрат поймал его и оба они упали, зарылись в снег с головой...

В избе Степан Игнатьевич сбросил со спины рюкзак, достал из него чемоданчик, вынул из чемоданчика стетоскоп и присел на кровать возле Сережи. Осмотрел мальчика, постучал, послушал.

— У него воспаление легких!

— Вылечишь? — спросил дед, замирая.

— Только не здесь. Мы заберем его с собой, дедушка!..

Дед Кондрат заплакал и отвернулся.

Час висел вертолет над избушкой, час перемешивал темнеющий воздух быстрыми лопастями.

Кабанов начал делать капельное вливание. Штатива не

было. Над кроватью висели прибитые к стенке лосиные рога. Вот к этим рогам он и привязал флакон с лекарством. Лекарство из флакона — капля за каплей — текло по трубкам в тело мальчика.

Подготовив больного к дороге, Кабанов достал из кармана полушубка ракетницу, вышел из избы и выстрелил. Красная звезда взлетела в стороне от вертолета. Летчик спустил трос с сеткой. В нее Кабанов и дед уложили укутанного в два одеяла Сережу, и летчик поднял сетку в машину.

Потом таким же образом подняли Кабанова. И вертолет улетел.

«Скорая помощь» подъехала к вертолету, едва тот приземлился. Когда Сережу выносили на носилках из вертолета, он пришел в себя.

— Пить хочу...

— Потерпи немножко! — попросил Кабанов. — До больницы доедешь и попьешь!.. Все будет в порядке!

Машина «скорой помощи» рванулась с места.

С. И. ИВАНОВ, детский врач

«...Возьми три фунта свинцу да два фунта олова и сожги оные вещи в пепел, которого после возьми 8 мерок, 4 мерки жженого голышу да 4 мерки соли...» — и получишь... единорога. «Что это еще за единорог?» — подумаешь ты. А это такое диковинное животное, жившее в старину, похожее на коня и на льва, только во лбу у него рос большой витой рог. Увидеть ты его можешь на куполе собора Василия Блаженного в Москве или просто на стенах и печах ярославских, муромских и вологодских домов.

Ну, а теперь настало время раскрыть секрет: единорог этот вовсе не живой, а изображен он на плитках знаменитого русского поливного изразца, секрет которого считался давно утраченным. Но вот мы открываем книгу, которая называется «Скачи, добрый единорог», и узнаем, что не исчез изразец из зодчества, мастера-умельцы открыли старинный рецепт его изготовления и теперь восстанавливают с его помощью украшения памятников русской архитектуры. А тот самый единорог, давший название книге,

будет скакать по стенам одного из новгородских монастырей.

О том, как может взойти радуга на скорлупе, о том, как сделать из простого соснового полена жар-птицу, о премудростях установки юрты и о многих других секретах народного искусства ты прочитаешь и увидишь в книге Александра Миловского, вышедшей в свет в издательстве «Детская литература» в 1982 году.

А из этой книги ты узнаешь о морских катастрофах, о нелегком труде рыбаков, о мужестве и находчивости советских военных моряков в годы войны, о невиданных животных, о сокровищах английского пирата Моргана; прочитаешь, как был принят международный сигнал тревоги SOS и что он означает. Тебя ждет встреча с морскими стихами и рассказами, с фантастической повестью С. Гагарина «Разум Океана». А в конце, в рубрике «Между вахтами», ты прочитаешь юмористические рассказы и юморески и морские байки. Все это ты найдешь в литературно-художественном морском сборнике «Океан», вышедшем в издательстве «Детская литература» в 1982 году.

Д. ЛАЗДАН

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ВЫШЕ! ДАЛЬШЕ! БЫСТРЕЕ!

Ленинград.

Зимний стадион. 8 и 9 января 1983 года.

Четвертые финальные соревнования Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик».

В соревнованиях участвовали чемпионы и рекордсмены пионерских звеньев и отрядов, дружин и школ. Всего — 250 юных прыгунов и спринтеров. Среди них — семь кандидатов в мастера спорта и один мастер спорта.

Соревнования «кузнечиков» были посвящены большому всенародному празднику — 60-летию образования СССР.

ГЛАВНЫЕ РЕКОРДЫ

Ваш клуб называют клубом-рекордсменом: ни один из его финалов не обходился без рекордов. Так было и на этот раз. Почему так происходит? Когда для участия в финале приезжают спортсмены с Камчатки и

П Р И В Е Т
УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНЫХ
СОРЕЗНОВАНИЙ
СПОРТИВНОГО КЛУБА
КУЗНЕЧИК

Молдавии, Таджикистана и Архангельска, — а если быть точным — из 24 городов и поселков нашей страны, мы можем с полным правом говорить о массовости соревнований «кузнечиков». А когда дважды чемпионка «Кузнечика» Лена Топчина становится членом сборной олимпийской команды СССР, то ни о чем говорить уже не надо. Всем ясно: «кузнечики» — ребята упорные и намерения у них самые серьезные.

Главный судья соревнований
Почетный судья по спорту
Н. Н. КАМЕНЕВ

Молодец, Сережа!

...Он остался один. А потом судья-информатор объявил по радио, что планка поднята на высоту 215 сантиметров, и болельщики на трибунах дружно выдохнули: «У-у-у!» Еще бы: 215 — это не только мастерский рубеж, это всего на один сантиметр уступает достижению Юрия Степанова, который

первым из советских атлетов установил в 1956 году рекорд мира по прыжкам в высоту.

И вот — 215 и Сережа Филиппский, никому не известный «кузнечик» из Нальчика.

Сережа поднимает вверх левую руку. Для судей и болельщиков это означает: к прыжку готов. А для него? Что значит для него эта поднятая вверх рука и взгляд на планку? Только одно: «иду — на вы», только это...

Разбег по дуге он начал мягкими энергичными шагами. И сотни болельщиков были свидетелями, как уверенно взлетел он над планкой и «прошел» ее, и только одно неверное движение перечеркнуло усилия спортсмена.

И снова по стадиону: «У-у-у...» Но не как вздох разочарования. Мы видели: невозможное — возможно!

В. ВЕРХОВСКИЙ

ЕЩЕ ОДИН РЕКОРД

По решению Совета спортклуба призов и Почетных дипломов было ровно столько, сколько было участников финальных соревнований, то есть 250.

Кроме этого мы учредили специальные призы. Они были вручены:

Приз главного редактора журнала «Костер» «Самому юному участнику соревнований» — Тане Жабровец, ученице 4-а класса школы № 4 Бердичева.

Приз ленинградского областного комитета ВЛКСМ «Лучшей школьной команде» — команде «кузнечиков» школы № 32 города Омска.

Приз Президента Всесоюзного спортклуба «Кузнечик», заслуженного мастера спорта СССР, олимпийского чемпиона Юрия Тармака «Олимпийский характер» — Свете Шмуляр, ученице 6-б класса школы № 15 Бердичева.

Приз отдела спорта редакции журнала «Костер» «За лучший результат среди девушек» — Лене Топчиной, ученице 9 класса 504 школы Ленинграда.

Приз Зимнего стадиона «За лучший результат среди мальчиков» — Сереже Филиппскому, ученику 10 класса школы № 2 города Нальчика.

Приз Совета спортклуба «Лучшему юнкору «Кузнечи-

ка» — Игорю Шумейко, ученику 9 класса школы № 15 города Омска.

М. СИТНОВА

БОЛЬШОЕ ПИОНЕРСКОЕ СПАСИБО!

За отличную организацию финальных соревнований редакция журнала «Костер» и Совет спортклуба благодарят:

Заместителя председателя комитета по физической культуре и спорту при Ленгорисполкоме — Петра Алексеевича Трескова.

Начальника отдела легкой атлетики горспорткомитета, заслуженного тренера СССР — Бориса Филипповича Щенникова.

Государственного тренера по легкой атлетике Спорткомитета СССР по Ленинграду Алексея Никифоровича Конины.

Старшего тренера школы высшего спортивного мастерства, тренера сборной команды СССР — Бориса Николаевича Купоросова.

Старшего тренера спортклуба «Кузнечик», тренера по легкой атлетике — Ивана Ильича Гребенщикова.

Главного судью соревнований, Почетного судью по спорту — Николая Николаевича Каменева.

Директора Зимнего стадиона Николая Викторовича Некрасова.

ПОБЕДИТЕЛИ

(выписка из протокола соревнований)

ДЕВОЧКИ				МАЛЬЧИКИ			
		подростки, 1970—71 гг. рождения					
бег на 60 м	Наташа Бузуй	Ростов	8,4 сек	Саша Руднев	Ростов	8,6 сек	
прыжки в длину				Саша Руднев Витя Григорьев	Ростов Омск	486 см 483 см	
прыжки в высоту	Света Кузякив Наташа Гармашова Лена Чумак	Бердичев Бердичев Бердичев	155 см 155 см 150 см	Саша Руднев Саша Тайков Леша Трофимов	Ростов Горький Ленинград	158 см 158 см 150 см	
		младший возраст, 1968—69 гг. рождения					
бег на 100 м	Лена Полесова Наташа Шпакова Ира Ференчук	Ростов Волгоград пос. Табошар, Таджикской ССР	13,0 сек 13,7 сек 14,2 сек	Юра Чувилин Роман Фролов Роман Хомлак	Ростов Ростов Кишинев	11,5 сек 12,4 сек 12,8 сек	
прыжки в длину	Зина Грушко Лена Шанева	Кишинев пос. Табошар, Таджикской ССР	487 см 450 см	Родион Краснянский Юра Чувилин Роман Фролов	Мичуринск Ростов Ростов	604 см 597 см 592 см	
прыжки в высоту	Люба Басанская Марина Давидович Марина Закревская Ира Машкевич	Омск Ленинград Горький Ленинград	408 см 165 см 165 см 165 см	Сергей Ковалев Родион Краснянский Алексей Харибург	Волгоград Мичуринск Ленинград	195 см 180 см 175 см	
		старший возраст, 1966—67 гг. рождения					
бег на 100 м	Галя Бочарникова Таня Мерзликина Лариса Бредихина	Волгоград Волгоград Волгоград	12,8 сек 13,2 сек 13,3 сек	Олег Сазоненко Андрей Грицаенко и Юра Горохов Николай Осепьян и Евгений Бирюков	Канев Кишинев Херсон Магадан Светогорск	11,8 сек 12,0 сек 12,1 сек	
прыжки в длину	КМС Света Коробкина Галя Бочарникова Оля Штейн	Волгоград Волгоград Чкаловск	581 см 550 см 549 см	Слава Красненков Андрей Грицаенко Сергей Шабалкин	Табошар Кишинев Моршанск	642 см 630 см 630 см	
прыжки в высоту	МС Лена Топчина КМС Оля Загорская КМС Света Мокряк КМС Света Коробкина	Ленинград Ленинград Кишинев Волгоград	180 см 175 см 170 см 170 см	КМС Сергей Филиппский Аркадий Батяев Игорь Шумейко	Нальчик пос. Рузаевка Мордовской АССР Омск	210 см 195 см 195 см	

МС — мастер спорта СССР, КМС — кандидат в мастера спорта

Главный секретарь соревнований,
судья всесоюзной категории И. ВЕНЕДИКТОВ

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

ВОПРОСЫ ЮНАРМЕЙЦУ

1. Что такое Варшавский договор? Когда он был создан? Каковы его задачи?
2. Каких наград ЦК ВЛКСМ могут удостаиваться военнослужащие?

НАШ КАЛЕНДАРЬ

65 лет назад Совет Народных Комиссаров принял декрет об учреждении пограничной охраны.

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ПАРАД

Это было ровно шестьдесят пять лет тому назад. Первого мая в одиннадцать часов над Кремлем взвилась ракета, и по Красной площади двинулась колонна трудящихся с алыми флагами и транспарантами. Впереди колонны четким шагом шли воины молодой Красной Армии. Пулеметчики вели под уздцы лошадей с прикрепленными к седлам пулеметами, ехали знаменитые тачанки, на конной тяге двигались пушки. С Красной площади воины направились на Ходынское по-

ле, где и был проведен первый военный парад Советской республики. На этот парад приехал Владимир Ильич Ленин. Он осмотрел авиационные павильоны, беседовал с председателем Всероссийского совета авиации А. В. Сергеевым о количестве самолетов и летчиков. Парад завершился воздушным праздником.

В наши дни военные парады происходят ежегодно в день победы Великой Октябрьской социалистической революции.

«ЭТО В СЕРДЦЕ БЫЛО МОЕМ»

«Был кабинет как кабинет. А стал чем-то вроде военного арсенала.

Рядом с обыкновенными письменными столами и такими же обыкновенными стульями появились вдруг минометы, винтовки, каски; из-под дивана выглядывал ствол пулемета; в шкафу, среди книг и бумаг лежало шесть настоящих кавалерийских шашек. Три из них — в ножнах. Шашки выглядели как новенькие. Миномет, напротив, не блистал новизной. Но, уставившись в двери своим круглым черным глазом, он, казалось, радостно сообщал каждому входящему: «Послушайте, какая удача! Меня все-таки нашли! Выкопали! Пятнадцать лет ждал!...».

Кабинет принадлежал редакции ленинградской пионерской газеты «Ленинские искры». Когда-то принадлежал... Теперь им завладели красные следопыты... Сейчас в нашей

стране нет такой школы, в которой не было бы отрядов красных следопытов. А тогда только создавались первые отряды...»

Так начинается рассказ одного из зачинателей следопытского движения в нашей стране писателя Вольта Николаевича Сулова. Шел 1957 год, и Вольт Николаевич работал в газете «Ленинские искры».

Те первые следопыты, которые давно уже стали взрослыми людьми, открыли для всех нас имена многих пионеров-героев. Благодаря их следопытскому поиску, имена узнала вся страна.

Книга «Это в сердце было моим» состоит из нескольких рассказов. Каждый рассказ посвящен школьным музеям боевой славы, каждый рассказывает о поиске пионеров недавних десятилетий и пионеров сегодняшних — их объединило общее большое благородное дело.

«При помощи следопытов 37-й вильнюсской школы, — пишет автор очерка «По следам операции «Багратион» журналист Валентин Верховский, — два участника Великой

СЫН ПОЛКА

Уже пять катеров сменил Юлий Ворожилов, а комдив всё не отпускал юнгу в море, на фронт. Как только на заводе достраивался очередной катер, комдив зачислял юнгу на другой, еще не готовый. А мальчишке, сыну погибшего полковника морской пехоты, так хотелось поскорей очутиться на боевом катере и бить фашистов! Когда юнгу уже собирались перевести на шестой недостроенный катер, ему удалось уговорить одного командира зачислить его к себе в команду. Так началась боевая жизнь юнги на катере

БМО-514. Ученик электрика, стрелок кормовой пушки.

Однажды летом 1944 года катер стоял в Нарвском заливе на рейде Гакково. Этот узкий рейд был чрезвычайно опасен при налетах с воздуха. Едва успели заглушить моторы и пришвартоваться к бочке, как в небе появился «юнкерс». С ужасным воем фашистский самолет начал пикировать на катер. Но опытная команда, прошедшая годы войны, была начеку. Истошно взревели двигатели, и катер, словно кузнечик, отскочил в сторону. А на месте, где он был мгновение назад, рванули фашистские бомбы. Осколками покорежи-

ло корму, ранило комендора. И в эти же секунды по палубе к корме рванулся юнга. Хладнокровно, без нервной суеты Юлий выждал, пока «юнкерс» потеряет скорость на выходе из пике и «зависнет» перед горкой. Потом выстрел, единственный выстрел, и фашистский бомбардировщик грудой металла рухнул в море. Всё произошло так стремительно, что ни береговые батареи, ни другие корабли, стоявшие на рейде, не успели сделать ни одного залпа. За этот точный выстрел юнга Юлий Ворожилов был награжден орденом Отечественной войны второй степени.

ЧИТАЯ КНИГУ...

— Пулеметов сколько, спрашиваю?

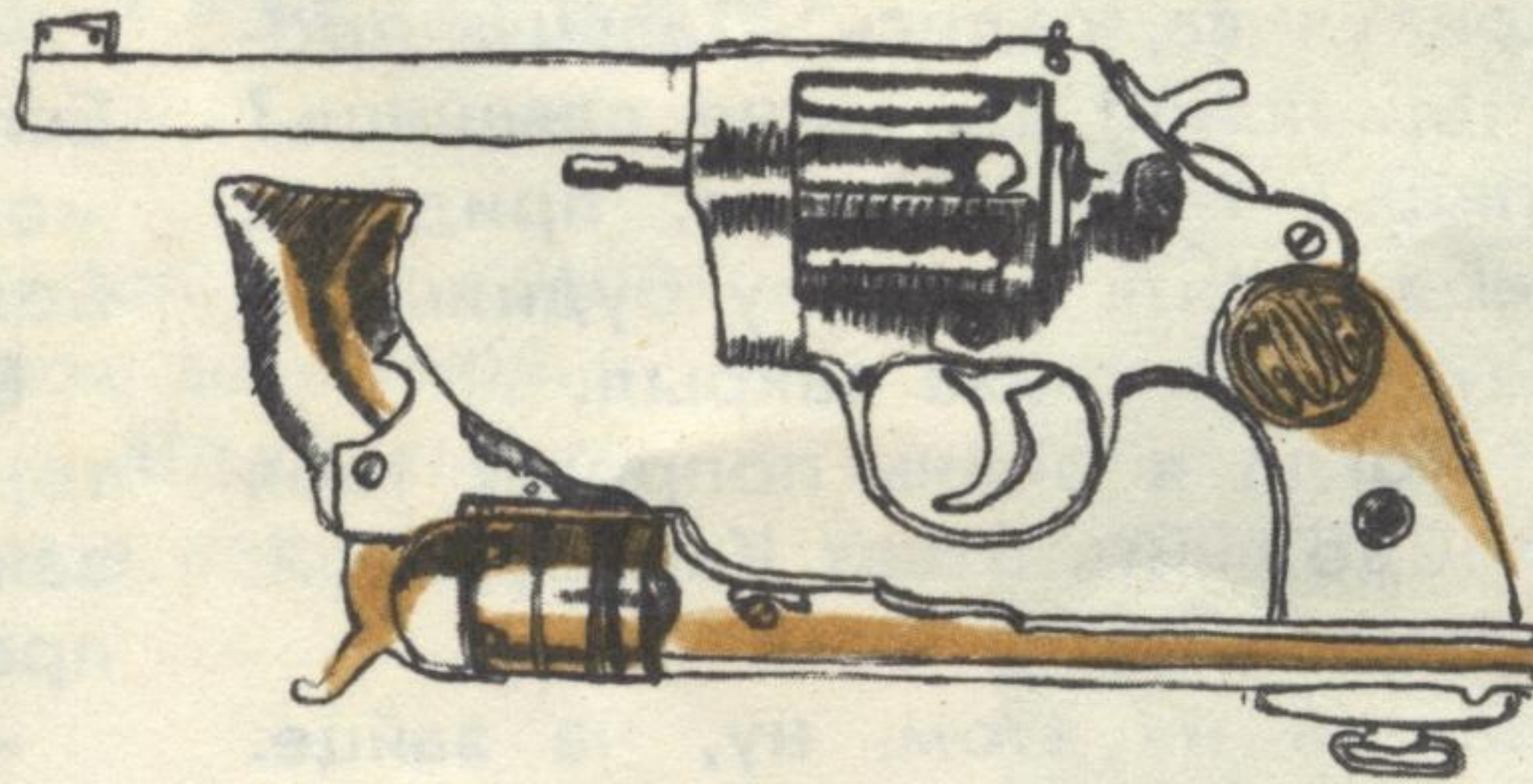
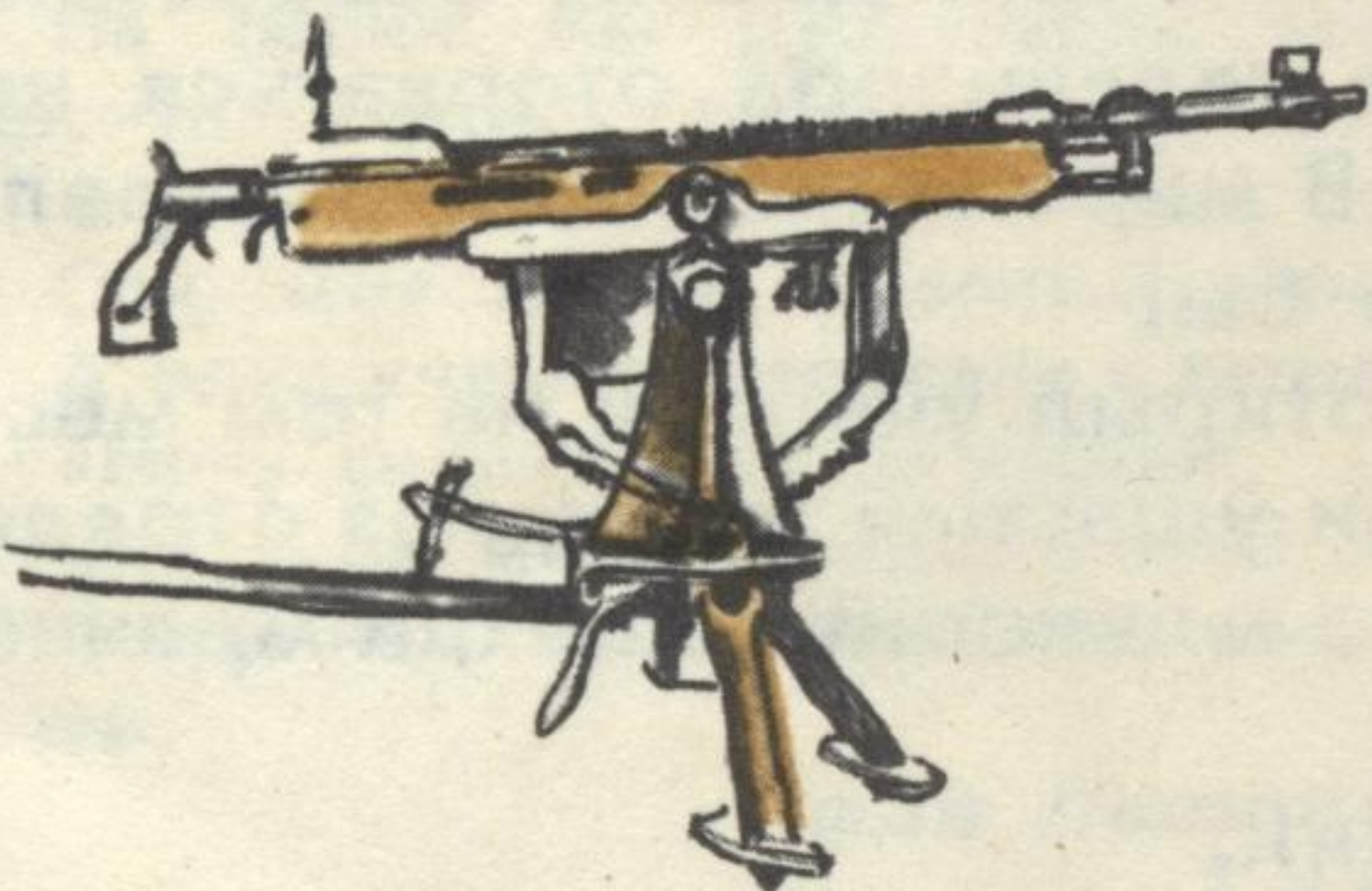
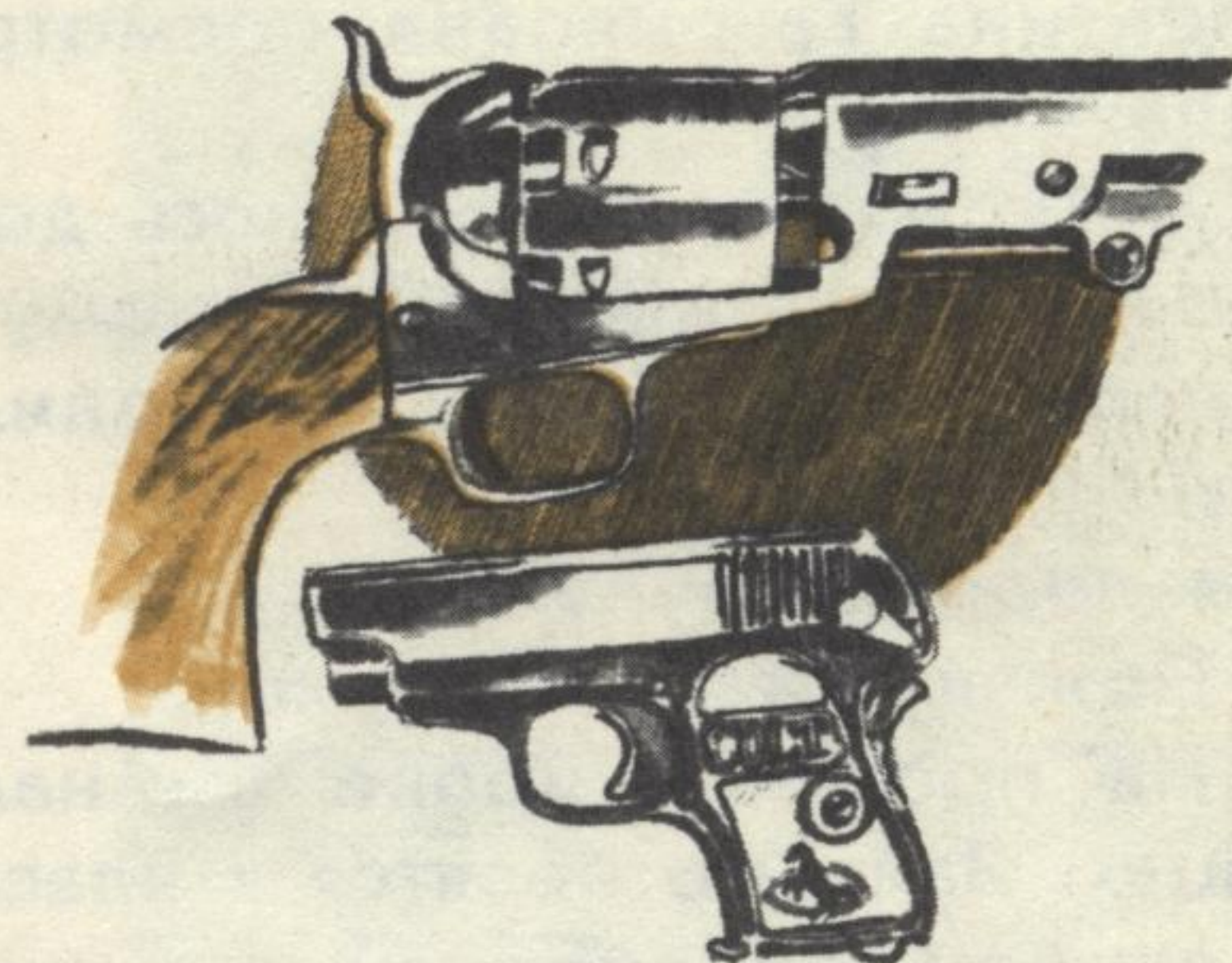
— Три... два «максима», один кольт.

«Нарочно говорит, — понял я. — У нас в отряде всего только один кольт».

А. Гайдар «Школа»

МАКСИМ — пулемет, действующий по принципу отдачи ствола. Был на вооружении армий многих стран вплоть до 2-й мировой войны. Назван так по имени конструктора.

КОЛЬТ — название различного автоматического оружия (револьверы, пистолеты, пулеметы). (Конструктор Кольт).

Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза, одиннадцать человек стали полными кавалерами орденов Славы, двадцать четыре человека — кавалерами ордена Ленина...»

Жил в селе под Москвой бывший сержант Владимир Алексеевич Михайлов. Он много раз был ранен, провоевал всю войну. У него были дочери — Галя и Наташа. Обе — красные следопыты, собирали материалы о подвиге Гастелло. И не догадывались, что живут в семье настоящего Героя Советского Союза. Сам Владимир Алексеевич тоже не догадывался, что он — герой. Просто честно воевал, а когда его, раненного, увозили в госпиталь, то награды не всегда находили героя.

Но в городе Вильнюсе в 37-й школе училась девочка Люда Клементьева. И не знал Владимир Алексеевич, что эта девочка из года в год разыскивает его по всей стране. Пишет о нем в «Пионерскую правду», сообщает на телевидение. Шесть лет, большую половину школы, искала Люда героя, получала письма из разных городов от раз-

личных Михайловых Владимиров Алексеевичей, обнадёживалась, разочаровывалась и все-таки верила, что найдет. В школе уже никто не верил, а она продолжала поиск. И нашла!

Таким поискам, подвигам воинов Великой Отечественной и следопытской настойчивости пионеров посвящена эта книга.

Наши деды жили в трудные годы. Они защищали нашу жизнь, но многие из них погибли смертью храбрых. Имена их нельзя забывать никогда. И если ты участвуешь в работе своего школьного музея боевой славы, помогаешь отыскать героическое имя погибшего воина, то этим ты продолжаешь дело своих дедов и отцов, благодаря которым мы сегодня живем под мирным солнечным небом.

Книга «Это в сердце было моем», посвященная красным следопытам, вышла в издательстве «Детская литература» в 1982 году. Ее составил писатель Герман Гоппе.

В. ВОСКОБОЙНИКОВ

ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

Валентина Гавриловна посмотрела на часы и сказала:

— До конца урока осталось десять минут. Это время мы посвятим пройденному материалу. Кто нам напомним, что мы проходили на прошлом уроке?

Аня подняла руку.

— Пожалуйста, Карнаухова!

— На прошлом уроке вы нам рассказывали о зайцах. Зайцы относятся к классу млекопитающих, отряду зайцеобразных. Существуют два вида зайцев — заяц-беляк и заяц-русак. Зайцы очень осторожны и пугливы, потому что у них много врагов, которые их подстерегают. Это — хищники, например, рысь, лиса, волк...

— Спасибо, Карнаухова, садись. Дальше продолжит Брюквин. Брюквин! Ты меня слышишь? Ты что, опять спишь? Мне, видимо, придется специально для тебя носить в школу будильник.

— Я не сплю, я только глаза закрыл.

— Ах, вот как? Тогда я очень попрошу тебя открыть глаза и продолжить ответ Карнауховой. На чем она остановилась?

— Она остановилась на этом, ну, на зайце.

И еще на волке. Волк — это хищник, а заяц — совсем наоборот... Волк все время гоняется за зайцем, а тот — от него. И никак! Тот просто озверел!

— Подожди, подожди, Брюквин!.. Кто — тот? Кто озверел?

— Ну, волк! У него все равно ничего не выгорит!

— Так, так... Очень интересно. Ну-ка, поясни это на примере.

— А чего тут объяснять — вы же сами все знаете. Ну, скажем, заяц влез на вышку для прыжков в воду, приготовился прыгать. А волк сзади тихонько подобрался, уже лапы вытянул и пальцами шевелит — сейчас, мол, голубчик, я тебя сцапаю! В это время заяц — раз! — оттолкнулся от подкидной доски и в воду! А волка этой доской — как подбросит! Он в воздухе сальто делает и всем туловищем о берег — шлеп! Со смеху коньки откинешь! А зайца — только и след простыл! Или другой случай. Заяц на эстраде выступает. Поет. А волк, чтобы его поймать, тоже на эстраду вылез. Для виду электрогитару взял, пытается играть. А гитара не играет. Волк видит — шнур со штепсельной вилкой болтается. Он вилку — в розетку! Тут его током ка-ак тряхнет! Ну, потеха! В общем, не везет ему, и все!

— А по-моему, Брюквин, это тебе не везет!

— Почему это?

— А потому, что ты опять двойку заработал! Если уж ты дома от телевизора оторваться не можешь, то хоть бы «В мире животных» смотрел! Больше пользы было бы!

Витя сел за парту, открыл учебник на том месте, где был изображен ушастый зверек из отряда зайцеобразных, класса млекопитающих, и мрачно произнес:

— Ну, заяц, погоди!..

Л. КАМИНСКИЙ

— Какую форму имеют клетки листьев?

— Кругленькие квадратики.

— Почему суда тяжелые, а не тонут?

— Потому что на их бортах висят спасательные круги.

— Какого склонения существительное «зайчик»?

— Слабого.

— Расскажи о сосне.

— Сосна — неприхотливое животное.

— Почему вода в чайнике закипает, когда мы ставим его на электрическую плитку?

— Потому что молекулы воды соединяются с молекулами плитки!

ОТВЕТЫ ПРИСЛАЛИ:

Лена Вильгельм

(ст. Аул Семипалатинской обл.),

Вика Войтенко (г. Каражал),

Света Минакова

(с. Александровское,

Ставропольского кр.),

Оля Филиппова (г. Оренбург),

Андрей Бобриков

(с. Ново-Петровка

Волгоградской обл.)

КОНКУРС

„И все
засмеялись“

На уроке химии учительница написала на доске знаки химических элементов и попросила Гену назвать их. Гена вышел к доске и стал уверенно называть. Но когда он дошел до буквы «Н», то запнулся.

Ребята с места стали подсказывать:

- Вода...
- Водопровод! — обрадованно сказал Гена.

И все засмеялись.

Сергей Приходько,
7 класс,
Свердловск

На пении мы разучивали новую песню. Учитель продиктовал слова: «Ночь сизокрылая за окном, Спи, моя милая, крепким сном...» А одна ученица написала в тетради: «Ночь сизокрылая за окном, Спи, моя милая, под столом!...» Когда нам это прочли, все засмеялись.

Галя Потапова,
7 класс,
Майкоп

На уроке истории мы должны были составить рассказ о дне первобытного человека. Спросили Семенова и он начал:

— Семь ноль-ноль — подъем, семь пятнадцать — зарядка, восемь ноль-ноль — охота на мамонта...

И все засмеялись!

Даша Филина,
6 класс,
Горький

МЯГКИЙ ЗНАК

Мягкий знак
Какой удивительный —
И смягчающий,
И разделительный!
А случилось бы в классе так:
Встал бы этот прекрасный знак
И смягчающим,
И разделительным —
Между Мосиным и Никитиным!

Л. ФАДЕЕВА

МАМА ПИШЕТ

Мелкий дождик моет крыши,
Легкий шорох за стеной...
Тихо в доме. Мама пишет.
Пишет даже в выходной!

Тишины не нарушаю,
Пью тихонько молоко.
Мама пишет. Понимаю —
Это очень нелегко.

Чем помочь сегодня маме?
Думаю, смотрю в окно.
Как нарочно, по программе
Интересное кино.

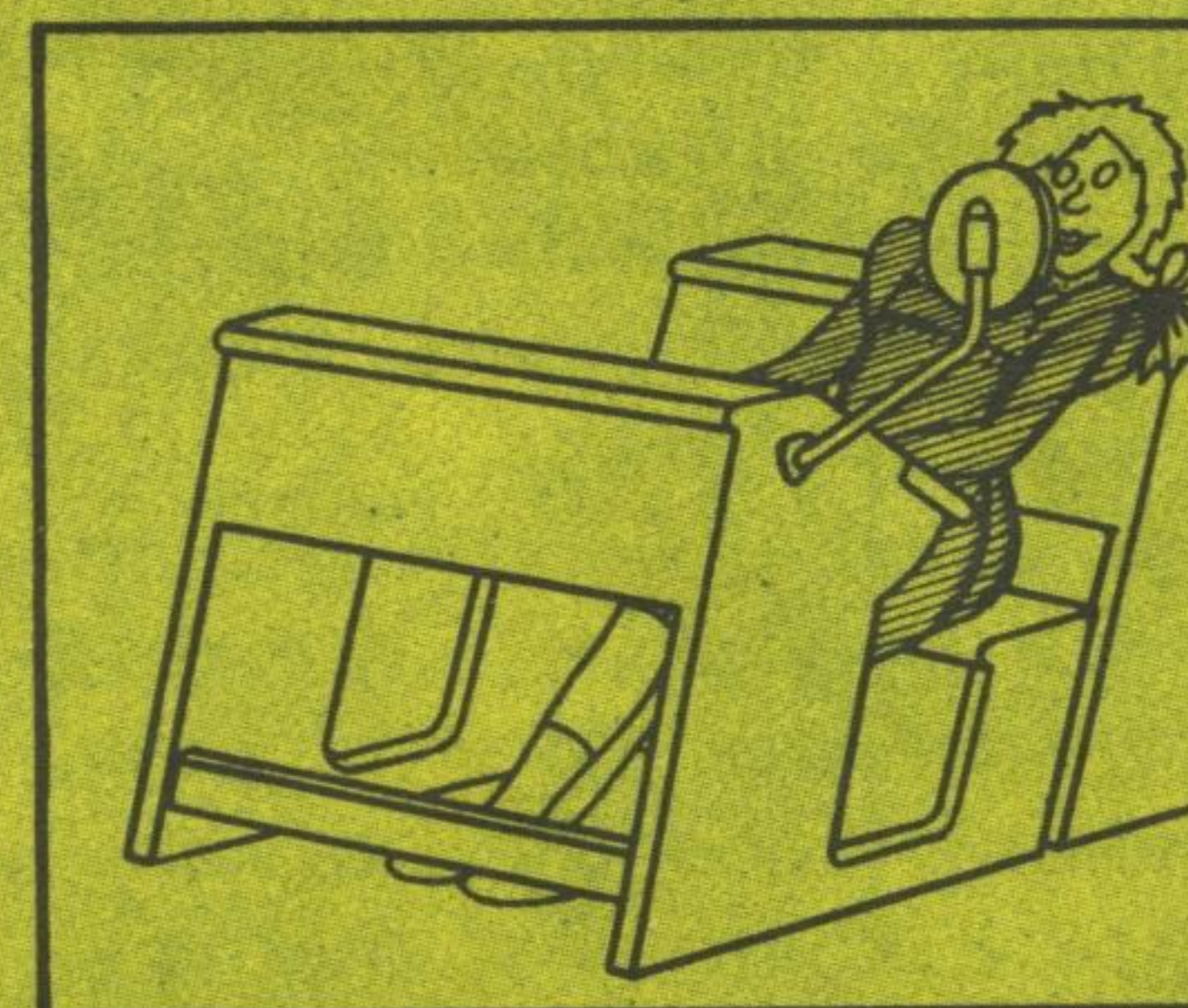
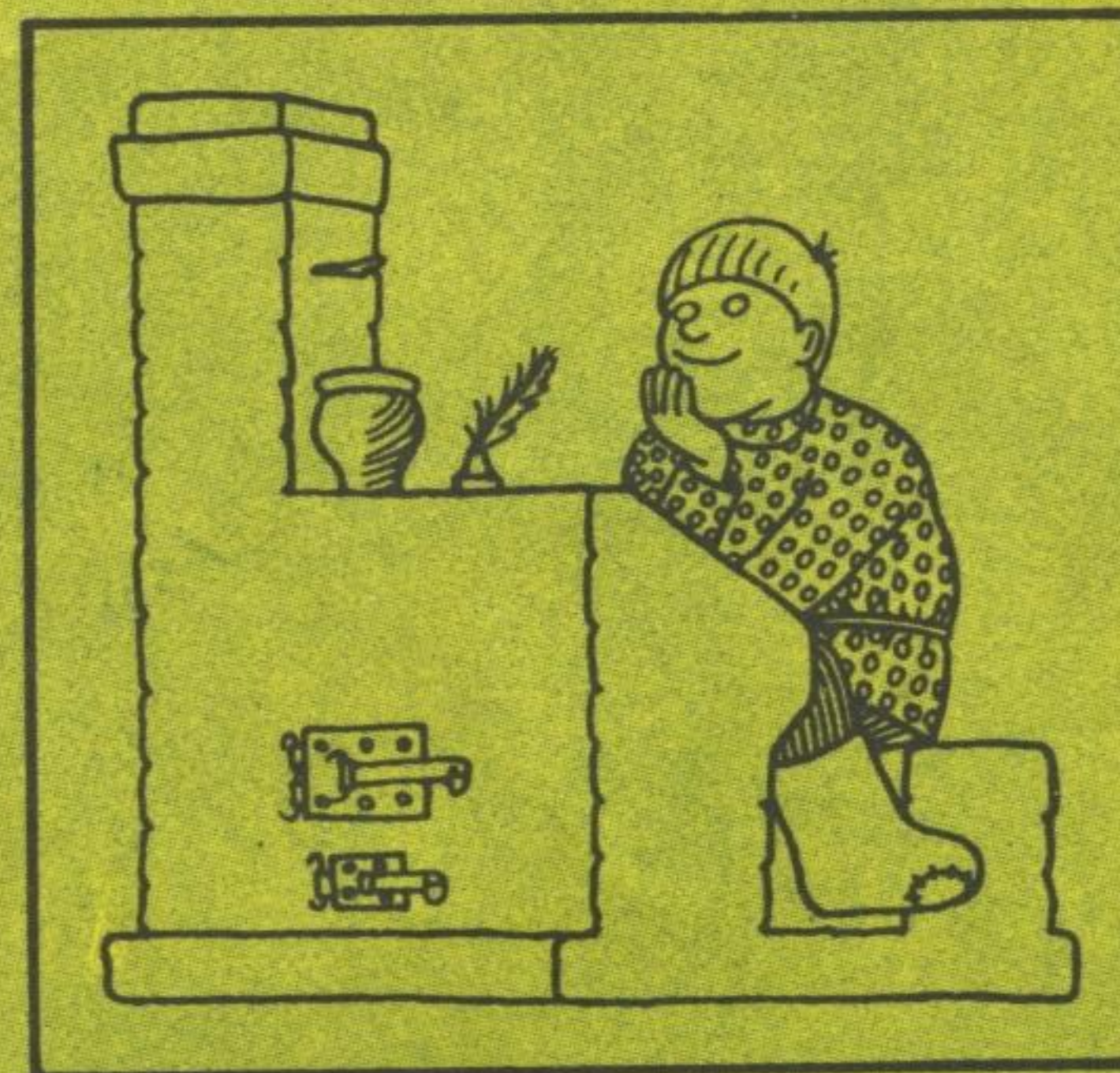
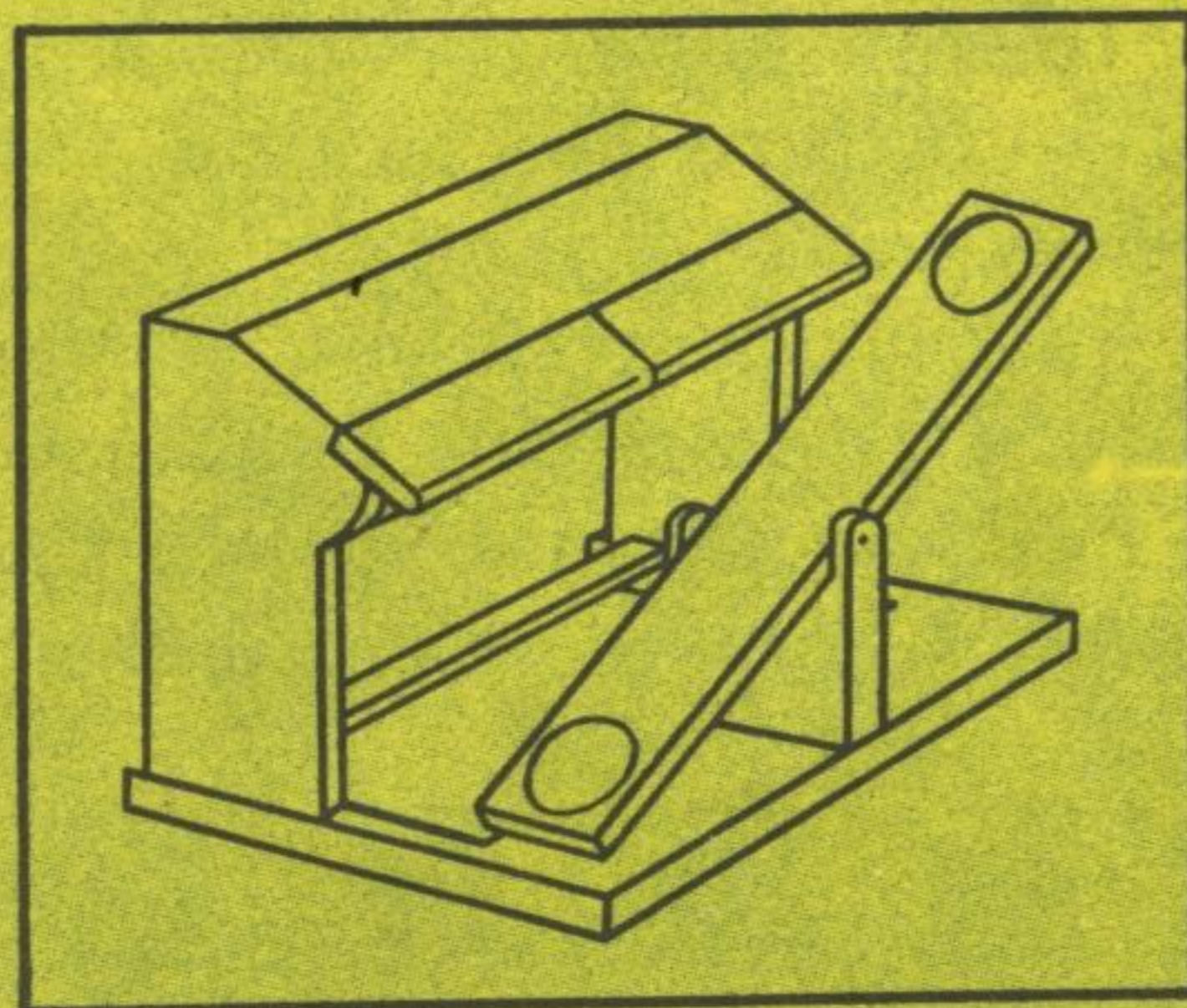
Телевизор сделал тише,
Вот уже прошло полдня...
Что-то мама долго пишет
Сочиненье за меня!

Ирина ПЛАКСИНА

Наше конструкторское БЮРО

Инженер Дмитрий Майстренко тоже, как и вы, был когда-то учеником и просидел десять лет за школьной партой. Однажды он подумал: «А почему все парты одинаковые? Ведь характеры у учеников разные: одному покачаться хочется, другой — поспать непрочь». Взял Майстренко и разработал проекты новых парт. Посмотрите на них и подумайте — кому из ваших знакомых они подойдут? А еще прошу подумать над новыми шуточными проектами. Например, какие бы вы предложили конструкции ученических портфелей? Жду ваших предложений.

Учитель Смеха

ШАХМАТНЫЙ КЛАСС

Все началось с Юлиного дедушки. Привел Евгений Ильич внуку в первый класс, увидел в пионерской комнате шахматы и остался там. Всем, кто приходил в пионерскую комнату, предлагал:

— Давай сыграем!

Обыграл пятиклассника, восьмиклассника и десятиклассника одолел. Тут кто-то из родительского комитета зашел, и тому пришлось сдаться. По классам пошел слух: «Чемпион в школе!» Пришли на выручку ребят учителя — и им досталось.

Третья школа города Сланцы уже шумела:

— Да что это за дед, которого никто одолеть не может!

Расспросили Юлк и выяснили, что дедушка еще в молодости хорошо играл.

Решили ребята во что бы то ни стало обыграть деда. Стали в портфелях вместе с учебниками

шахматы носить. Играли на переменах, устраиваясь на подоконниках, играли в столовой на стульях, играли после уроков в пионерской комнате. Стали играть класс на класс, потом организовали турнир.

Сначала учителя в школе сердились: что это такое — куда ни пойдешь — везде в шахматы играют, все другие дела забросили. А потом смотрят — балуются мальчишки меньше, начали жить дружнее, и оценки, особенно по математике, стали лучше.

И тогда учителя попросили ввести в школе специальные уроки во втором и третьем классе, чтобы все могли научиться играть в шахматы, и специального преподавателя пригласили — кандидата в мастера спорта Малинина.

Организовалась в школе команда, выступила в областных соревнованиях и заняла, всем на удивление, первое место в Ленинградской области. Послали команду в Брянск на республиканские соревнования.

Ребята стали играть еще больше, смелее и постепенно поверили в себя. Пригласили родителей на сеанс одновременной игры восьмиклассницы Инны Горшковой. Родителей пришло много. Двадцать пять досок вокруг Инны. Но отважились принять ее вызов только десять родителей, и все десять проиграли.

— С кем же нам тренироваться, где взять сильных соперников? — заволновалась школьная команда.

Юлин дедушка позвонил на соседний завод. Снисходительно улыбаясь, заводские игроки пришли в школу. Но они перестали улыбаться — проиграли с крупным счетом.

Недавно пришел к директору молодой папа, пожаловался на сына, что тот с ним в шахматы играть не хочет.

Вызвал директор сына, а тот оправдывается:

— Неинтересно с ним — теории не знает, и в эндшпилях слаб.

С. ИВСЛГИН

Фото С. Парсаданяна

ЧЕМПИОНАТ-83

Что ожидает разведчиков в 5-м туре?

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kpb3, Ce2, Ce3, Kc3, Kg3; черные: Kpe1, п. f5.

Б. Белые: Kpd1, Ла4, Ca2, пп. b4, e2; черные: Kpb2, пп. d2, e3.

Цель разведки: А — дать мат в 4 хода, Б — в 5 ходов. Автор задач — Николай Зиновьев, Усть-Каменогорск.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, b4, c3, e3, f4, g3, g5, h2; черные: a5, c7, d8, e7, f8, g7, h6, h8.

Б. Белые: a3, a7, c1, d2, e5, f4, g1, h6; черные: b2, b6, b8, c5, f6, f8, g7, h2.

Цель разведки: в обеих позициях (Сергей Лойко, п. Иваничи) установить, есть ли у белых путь к победе.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 28, 30, 33, 34, 37, 48; черные: 13, 14, 15, 26, 32.

Б. Белые: 34, 38, 40, 41, 45, 48; черные: 10, 19, 20, 24, 28, 36.

Цель разведки: найти за белых победные комбинации.

ОНИ — ЛУЧШИЕ!

Рассмотрев все рапорты разведчиков-участников чемпионата АРЧЕБЕКА 1982 года, шахмат-адмирал Ферзьбери торжественно объявляет:

Звание чемпиона завоевали — в шахматах: Сережа Бельзер (Пермь), Ильдар Хакимов (ст. Зиадин) — по 210 очков; **в международных шашках:** Коля Корольчук (Пинск), Алексей Сухоруков (с/з «Знамя Труда») — по 210 очков, **в русских шашках:** Олег Борисов (Макеевка), Валерий Калинин (Новодвинск), Коля Корольчук, Сережа Лойко (п. Иваничи) — по 195 очков.

Звания чемпионки удостоены — в шахматах: Юлия Прокофьева (Ленинград) — 210 очков; **в международных шашках:** Галя Демина (Ярославль) — 120 очков; **в русских шашках:** Таня Темникова (Орск) — 200 очков.

Дипломом и призом награждены и следующие победители.

ШХМ. Дима Маричев (Алексин), Алексей Сухоруков — по 200 очков, Слава Антипов (Боровичи), Алеша и Саша Розловские (п. Фрунзе) — по 195, Слава Камышенко (Киев), Майя Розенталите (Вильнюс), Игорь Тетко (Кодыма) — по 185, Володя Дубаев и Павел Зубрилин (Куйбышев), Игорь Оленев (Канск) — по 180, Алишер Бегимов (ст. Зиадин) — 175, Женя Высоцкий (Донецк), Слава Духнов (Энгельс), Игорь Едутов (Лениногорск), Саша Нудьга (п. Угледар), Павел Карнаухов (с. Чуй) — по 170, Алла Дьяченко (Петровское), Наташа Лазаренко (Донецк), Олег Ливадонов (Иваново) — по 165.

МШ. Саша Кузьмин (Благовещенск) — 195, Коля Попов (Уфа) — 185, Володя Самсонов (Заозерный) — 180, Игорь Тетко — 170, Валерий Кудрявцев (Дзержинск) — 165, Витя Ивченко (Талды-Курган) — 155.

РШ: Женя Гейлер (Н. Тагил), Володя Сон (Шахтерск), Оля Цветкова (Новосибирск) — по 185, Саша Кузьмин, Миша Кузнецов (ст. Сонково) — по 180, Коля Попов — 175, Игорь Колмацуй (Балта), Коля Майданов (Свердловск) — по 170, Раусь Давлетов — 165, Витя Ивченко, Сережа Машковцев (Киров), Алексей Сухоруков — по 160, Андрей Осадчий (Талица) — 155.

Кроме того, 24 разведчика награждены дипломами, 53-м присвоен 2-й спортивный разряд, 72-м — 3-й, 96-ти — 4-й.

Трижды салют всем победителям, всем 537-ми финалистам, всем 3480-ти участникам чемпионата АРЧЕБЕКА 1982 года!

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Kph1, Ce7, Kg7, п. g2; черные: Kpg3, Фе5. Тебе поручается командовать белыми. И командовать так, чтобы одержать победу! Какой сделаешь ход?

КОНКУРС „МАЙСКИЙ ПРИЗ“

Шесть наград! Участвовать могут все!

Горьковский шахматный композитор А. Шапошников прислал 5 «малюток» (задачи, в которых не более пяти фигур). Доблестные разведчики, кто ответит на вопрос автора — во сколько ходов в них дается мат?

Итак, «малютки» Шапошникова.

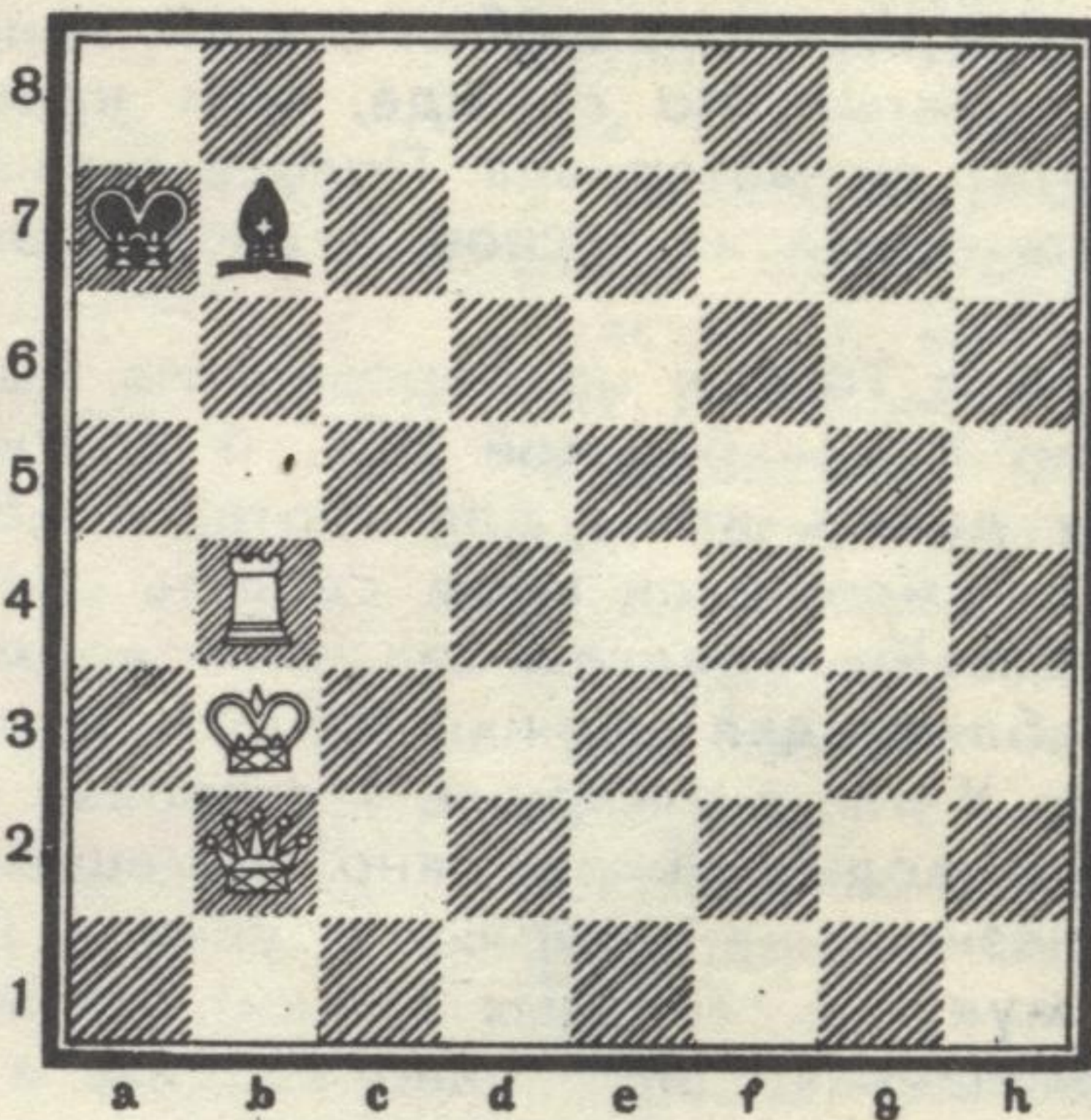
№ 1. Белые: Kpc5, пп. c6, c7; черные: Кра7.

№ 2. Белые: Кре3, Фh2; черные: Kpc1, п. c3.

№ 3. Белые: Kpe1, Фа4, Лh1; черные: Kpg3, п. h4.

№ 4. Белые: Kpf5, Фc3, Ле6; черные: Kpd5.

№ 5. (См. диаграмму).

Призы — шахматные книжки, их шесть. Одна будет разыграна среди решивших задачу № 1, вторая среди решивших № 2 и т. д. Поэтому каждое решение надо писать на отдельной открытке и отдельно послать. Можно решить только одну задачу, две или сколько получится, но послать ответы нужно раздельно. За что же шестой приз? За решение всех пяти задач. Кто хочет за него бороться, должен помимо отдельных открыток еще послать все решения в одном письме. Ясно?

На открытках и на письме пометать — «Майский приз» и отправить до 1 сентября. Призеры будут названы в «Костре» № 11.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фb5! Кре7 (если Kpc7, то 2. Фd7+) 2. Kpg7. **Б.** 1. Ле7! Kpb6 (или Kpd6 2. Лd7+, или Kpd5 2. Kpb4) 2. Cd4+.

РШ. А. 1. g5! f6 2. b4X. **Б.** 1. d6! e5 2. g5X.

МШ. А. 1. 29! 2. 22! 3. 42X. **Б.** 1. 38—32! 2. 43! 3. 32X.

Резерву. а). Выиграют белые: 1. h6 c3 2. h7 c2 3. h8Ф c1Ф 4. Фd8+ и 5. Фc8+. **б).** Выиграют черные: 1... c3 2. h6 c2 3. h7 c1Ф 4. h8Ф Фa1+.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Отрапортовать о выполнении боевых заданий до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

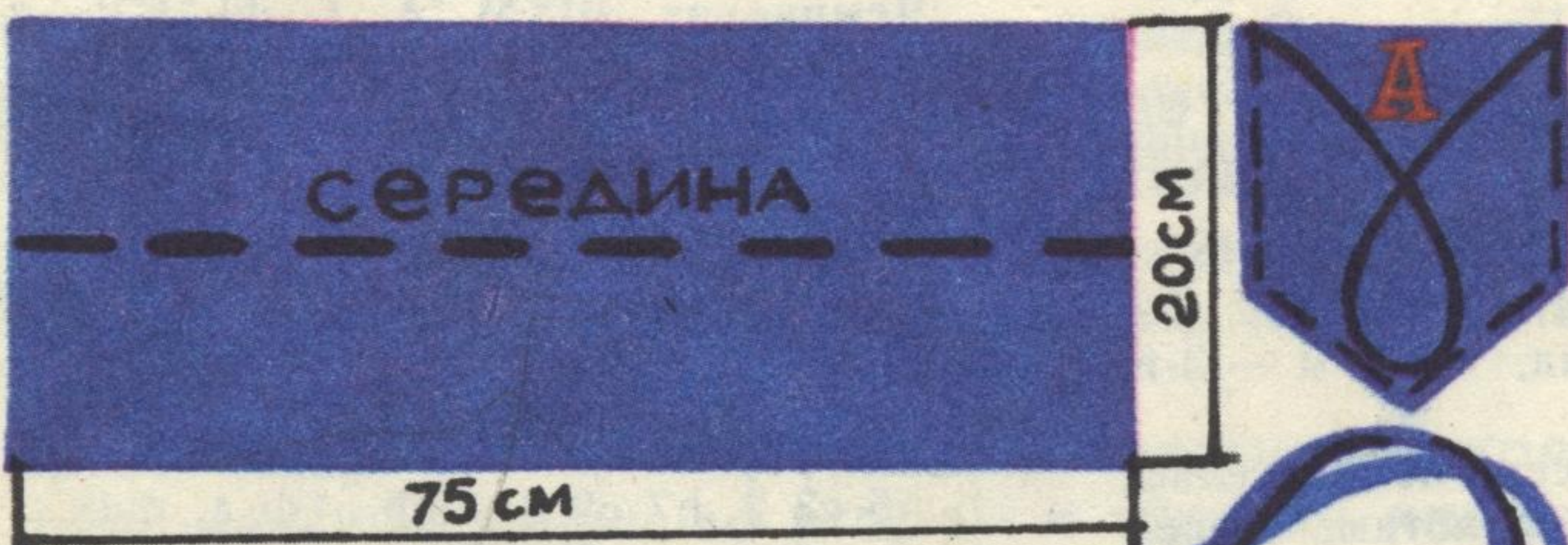
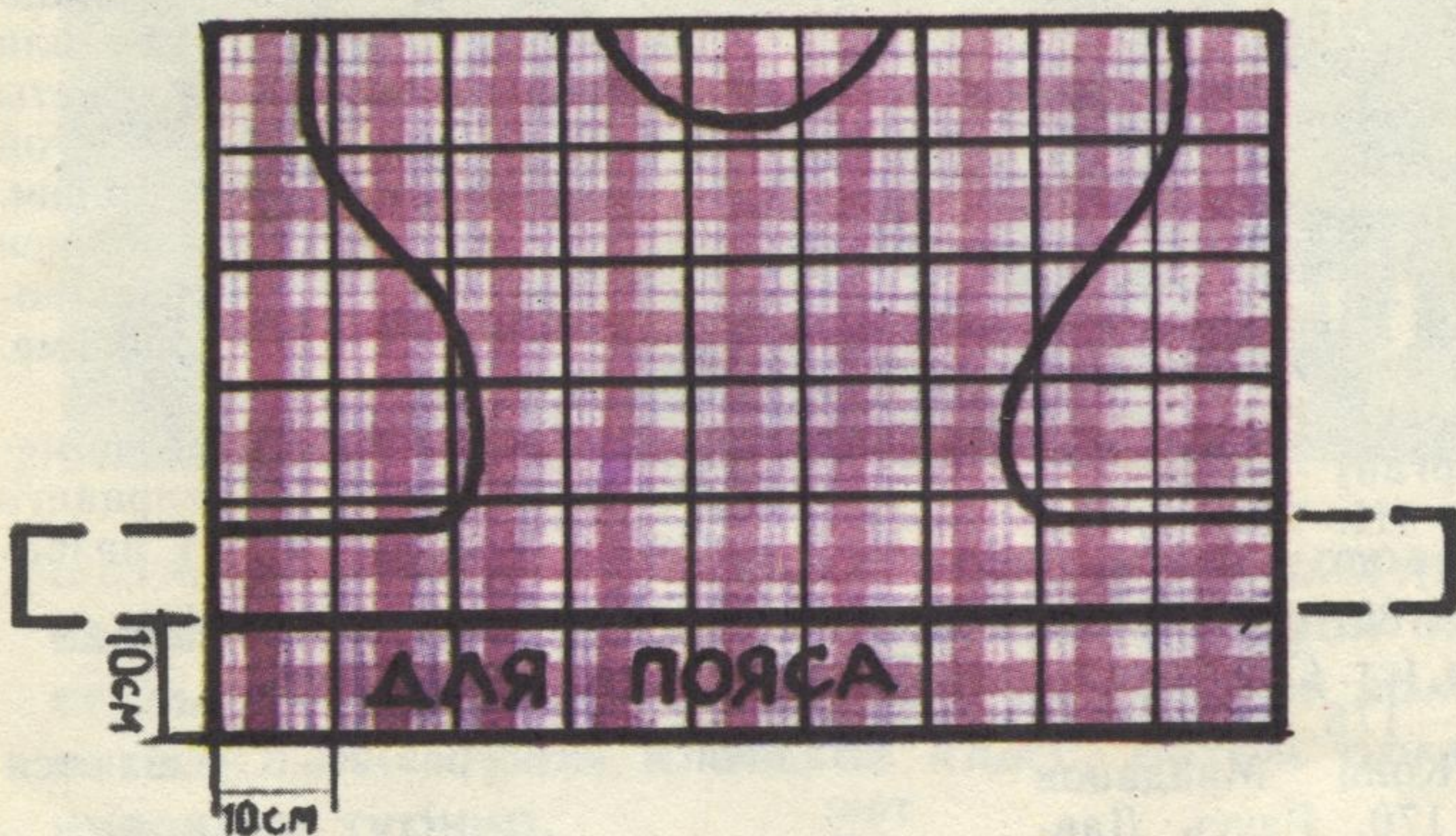
Давай сошьем кофточку для лета. Требуется 120×90 см ткани. На бумаге начерти сетку, как показано на рисунке. По клеткам ты легко перенесешь на нее выкройку. Ты, конечно, поняла, что ткань при раскрое складывается пополам (плечи — линия сгиба). Кофточка не имеет швов. Но предстоит заделка краев, эту работу нужно выполнить аккуратно.

Для заделки можно использовать тесьму. Пояс — односторонний, заделывается тоже по краю и завязывается на спине. Пояс может быть длиннее или короче, как тебе нравится. Нижняя полоса на выкройке оставлена для того, чтобы удлинить пояс.

Сумка сшита из старых джинсов. Два кармана обшты полосой ткани (20×75 см), сложенной пополам. Возле карманов ткань присборена. Осталось пришить ручки. Сумку можно сшить из любой старой, ненужной вещи: плаща, юбки, платья. Но прежде, чем кроить, промерьте вещь — хватит ли материала. Полоса ткани для низа сумки может быть сшита из кусков, в сборке это не будет видно.

Лена Торбан из Херсона, Ия Вылегжанина из п. Маслянино Новосибирской обл. и другие девочки спрашивают, как делать крем для торта, а Соня Дьяченко из Уральска — можно ли крем сделать цветным.

Давайте сделаем заварной крем без яиц, который употребляют для начинки пирожных, прослойки и отделки тортов. У вас в кастрюле 1 столовая ложка сахара и 1/2 стакана воды. Непрерывно помешивайте смесь на огне до исчезновения сахарных крупинок. 1/2 стакана воды влейте в муку (2 столовых ложки), размешайте до гладкости и, помешивая, постепенно вводите в сахарный сироп. Смесь варите до состояния густой сметаны. Теперь охладите массу (до температуры парного молока) и добавьте нарезанное мелкими кусочками масло (250 г). Все это сбивайте деревянной веселочкой (сбивалкой) 50—60 минут, пока крем не станет пышным и белым. А окрасить его можно, добавляя немного какао, свекольного сока или сиропа варенья.

МАША СОВЕТУЕТ

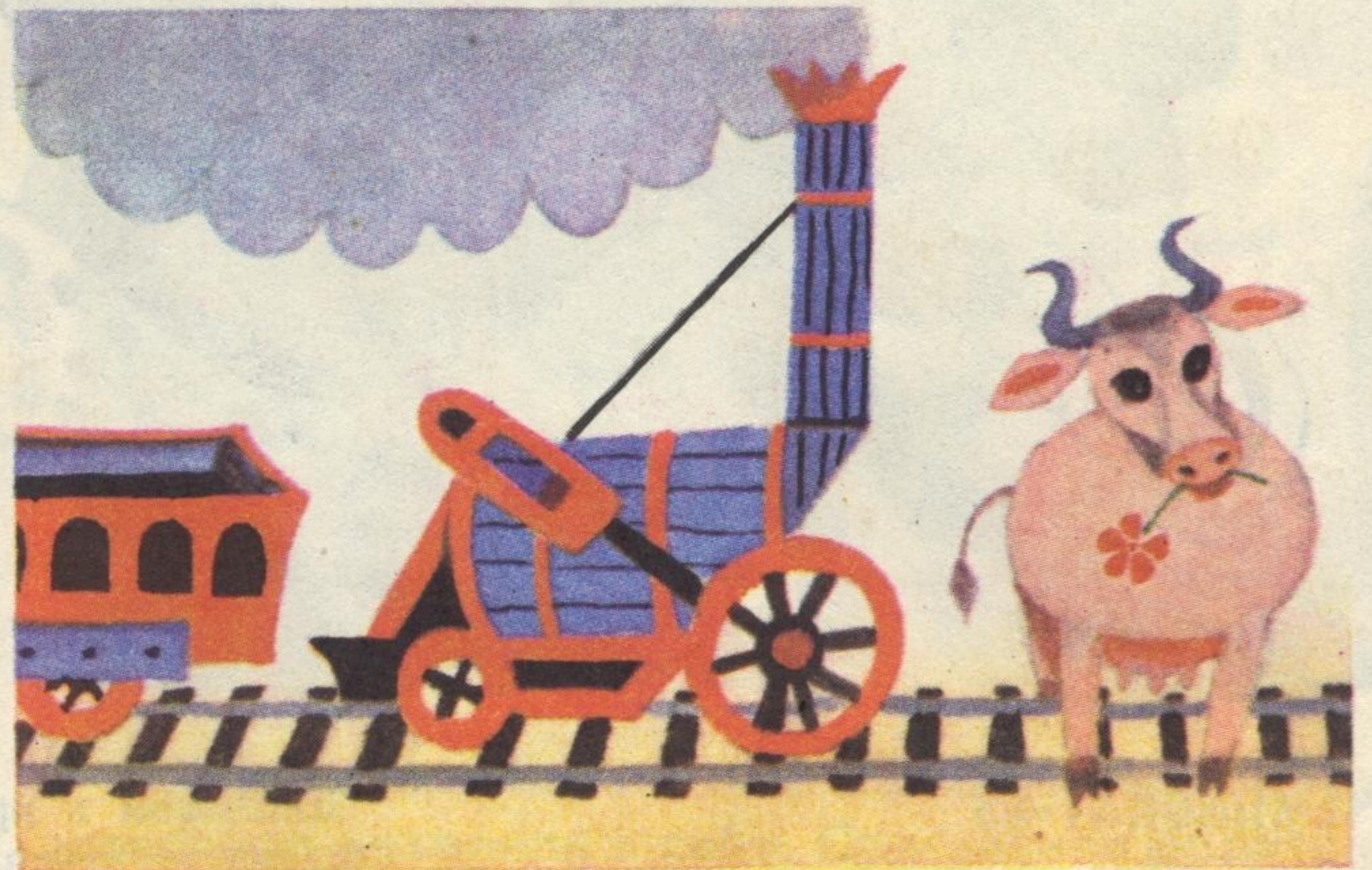
Рисунки Т. Петуховой

Рисунки
Ю. Беломлинской

ОБСУЖДАЛСЯ проект первого английского паровоза.

— Предположим, ваша машина мчится по рельсам, а между рельсов стоит корова, на те-

леге вы могли бы ее объехать. А тут? Не правда ли, щекотливое положение, мистер Стефенсон?

— Для коровы, — невозмутимо ответил изобретатель.

ВЕЛИКИЙ Ньютон пригласил однажды на обед друга, но так увлекся работой, что забыл об этом. Обед был подан на одного человека, а гость придя и видя, что Ньютон работает, съел обед и потихоньку ушел.

— Странно, — произнес спустя некоторое время ученый, глядя на пустые тарелки. — Когда это я успел отобедать?

И снова ушел в кабинет.

В **ПЕТЕРБУРГСКОМ** университете шутили, что для того, чтобы научиться красноречию, нужно прослушать лекции Тимирязева и профессора Н.

— Ну, Тимирязев — понятно, он великолепный лектор. Но Н. ведь косноязычен и бездарен!

— Вот именно, у Тимирязева нужно учиться, как надо говорить, у Н. — как не надо.

30 к.
Индекс 70445

16 81

Когда на улицах
Ленинграда
появляются
разноцветные афиши
нового спектакля
Театра юных зрителей,
ребята с волнением
останавливаются
возле них.
Какую удивительную
встречу готовит
им театр
на этот раз?..

